

ВЛАДИМИР БУРТОВОЙ

Волжский роман

Караван в Хиву

Волжский роман

Владимир Буртовой

Караван в Хиву

«ВЕЧЕ»

2018

Буртовой В. И.

Караван в Хиву / В. И. Буртовой — «ВЕЧЕ», 2018 — (Волжский роман)

ISBN 978-5-4484-7534-4

1753 год. Государыня Елизавета Петровна, следуя по стопам своего славного родителя Петра Великого, ратовавшего за распространение российской коммерции в азиатских владениях, повелевает отправить в Хиву купеческий караван с товарами. И вот купцы самарские и казанские во главе с караванным старшиной Данилом Рукавкиным отправляются в дорогу. Долог и опасен их путь, мимо казачьих станиц на Яике, через киргиз-кайсацкие земли. На каждом шагу первопроходцев подстерегает опасность не только быть ограбленными, но и убитыми либо захваченными в плен и проданными в рабство. И вот, пройдя степи и пески, купцы попадают в Хиву. Казалось бы, опасности позади, но нет, все только начинается – долгая, словно в заточении, жизнь в восточной столице. Данное издание – вторая часть трилогии о событиях накануне и в период Крестьянской войны под предводительством Емельяна Пугачева.

ISBN 978-5-4484-7534-4

© Буртовой В. И., 2018

© ВЕЧЕ, 2018

Содержание

Караван в Хиву	6
Первопроходцы	6
Первые версты	19
По Яику Горынычу	32
Кара-Албасты устраивает засаду	42
Конец ознакомительного фрагмента.	47

Владимир Буртовой

Караван в Хиву

* * *

© Буртовой В. И., 2018

© ООО «Издательство «Вече», 2018

© ООО «Издательство «Вече», электронная версия, 2018

Караван в Хиву

Моим родителям Надежде Андреевне и Ивану Александровичу с глубокой признательностью за понимание и поддержку посвящаю эту повесть.

Автор

Государыня императрица Елисавета Петровна, следуя стопам родителя своего, государя императора Петра Великого, к познанию азиатских владений и областей и к распространению российской в Оренбурге коммерции отпращиванием в те области российских купеческих караванов с товарами, повелеть соизволила действительному тайному советнику и бывшему в Оренбурге губернатору Ивану Ивановичу Неплюеву учинить сему начало...

Данила Рукавкин

Первопроходцы

Сентябрь 1753 года, месяц неистовых листопадных буранов и шумных осенних торгов...

Проселочная, хорошо наезженная дорога, просохшая за ведренные дни бабьего лета, к югу от Переволоцкой крепости, словно притомившись, перестала повторять бесконечные повороты реки Сакмары. Огибая встречный увал, она откачнулась вправо и вышла к неоглядному, залитому солнцем лесу, который раскинулся по холмистой низине и полыхал яркими красками осени. Дружно раскраснелись робкие осины, подрумянились скромницы-березки, зато тополя, подбоченясь ветками, не торопились обнажать стройные стволы. По тенистым полянам еще приметны среди буйного бурьяна синие луговые васильки, а над ними красуется в гроздьях спелых ягод раскидистая калина. Каждый листочек трепетал в ожидании последнего для себя порыва холодного северного ветра...

К обеду второго дня лес кончился, и дорога поднялась на невысокий, укрытый кустарником и полынью холм с пологими склонами, переходящими в овражистое поле.

Караван самарских купцов после десятидневного пути наконец-то приблизился к Оренбургу, где со дня на день должны начаться осенние торги с богатыми купцами Востока и пришлыми из южных стран.

– Кажись, братцы, доехали, – кашлянув в кулак, негромко сказал Данила Рукавкин. – В самое купеческое пекло попали! Теперь не зевайте, самаряне: на покляпое дерево и козы скачут! – Он легко привстал в стременах и, прищуря серые глаза в глубоких темных глазницах, внимательно посмотрел сначала на открывшийся город, а потом на утомленных дорогой спутников.

К Рукавину подъехали неунывающий, разбитной Аис Илькин, самарский купец из татар, и молчун по природе своей Родион Михайлов, приказчик видного самарского купца Канадамаева. Третьим спутником был юркий проныра, небольшого росточка сорокалетний купец из самарского пригорода Алексеевска Лука Ширванов. Вслед за всадниками уставшие кони тянули изрядно разбитые за дорогу возы. Однообразно, более по привычке, чем по нужде, с тех возов покрикивали пропыленные погонщики.

Отсюда, с возвышения, в легком мареве чистого сентябрьского воздуха, Оренбург виден был без помех, широко легший на берегах рек Яика и Сакмары, текущей с отрогов Каменного Пояса.

Новый губернский город, центр только еще осваиваемого обширнейшего края, был заложен десять лет тому назад, в 1743 году, Иваном Ивановичем Неплюевым, обнесен земляным валом протяженностью более пяти верст, вышиной свыше пяти аршин¹ да рвом вдоль вала примерно такой же глубины, а по низким местам и того глубже. По форме город походил на многоугольник, имел десять мощных земляных бастионов да два полубастиона над обрывистым берегом реки Яик, обращенных в сторону диких южных степей. Из Оренбурга выходило четыре дороги через Сакмарские ворота на север, через Водяные – на юг, через Чернореченские – на запад и на восток – через Орские.

В город караван самарских купцов вошел через западные ворота, шумной Губернской улицей проследовал к недавно отстроенному Гостиному двору в самом центре города, через ворота которого беспрестанно въезжали и выезжали десятки возов и телег местных жителей. Рядом поднимались купола небольшой каменной церкви Благовещения Божьей Матери.

Самаряне перекрестились, отбили земные поклоны и с немалым трудом протиснулись на большую торговую площадь. В центре ее – таможня. Туда и направились три купца просить место для товаров.

Высокий ростом Родион Михайлов заломил чуть не полуаршинную мурмолку синего сукна почти на затылок, распахнул тугой в поясе кафтан и спрыгнул на землю с темно-рыжего коня. Не выпуская из рук узду, широко расставя избитые в седле ноги – впервые пришлось совершать верхом такой долгий путь, – он с восхищением глазел на богатые сооружения торгового двора. Скупой на похвальное слово, тут он не удержался и сказал Ивану Захарову, помощнику купца Ширванова:

– Куда нашему самарскому пыльному торгу!

Насчитал до полторы сотни добротных лавок – и перед каждой навес от непогоды. Рядом встал погонщик Данилы Рукавкина Герасим, задрал вверх курчавую огненнорыжую бороду и изрек, шепелявя через выбитые зубы:

– Иштинный бог – зрю вавилоншкое штолпотворение!

Зубы бывший волжский бурлак потерял в драке под дверьми одного из самарских питейных домов, а в погонщики нанялся к Рукавину после того, как, перегоняя прошлой холодной осенью баржу от Самары вверх до Новгорода, застудил ноги и страдал теперь от ломоты в ступнях. А на возу сидеть – что за труд? Сила же в плечах осталась прежней, бурлацкой.

С немым удивлением озирался на незнакомый город и чужих людей погонщик Родиона Михайлова Пахом, сиротой взятый в приживальщики в дом купца Кандамаева, а как вырос, вот уже добрых лет двадцать состоит в работниках за харчи и одежду. Круглые, по-кошачьи зеленые глаза Пахома бегали растерянным взглядом по куполам ближних церквей и по людской толчее перед открытыми лавками.

А вокруг самарских возов уже засновали людишки, черные лицом и бородой, в длинных теплых стеганых халатах без поясных кушаков и потому свободно свисавших вдоль тела. На головах вместо привычных для россиян мурмолок или клобуков – старые войлочные или богатые меховые шапки с острыми верхами. На иных же – будто длинные полотенца, замысловато скрученные вокруг головы, один конец этого полотенца ниспадает непременно на левое плечо. И речь инородцев странная, словно кричат друг на друга в запальчивости, перевирая слова до смешной нелепицы.

Самарские купцы быстро закончили привычную перепись привезенных товаров, вышли из таможни, и каждый со своими возами направился к северной части Гостиного двора, где выделили им место.

Нанятые Рукавкиным работники вместе с прихрамывающим на обе ноги Герасимом освободили возы и перенесли тюки вовнутрь добротной лавки с закрытыми ставнями и с засто-

---

¹ Аршин – 71,1 см.

явшимся запахом овчинных шкур, недавно, видимо, лежавших здесь на полках. Рядом разгрузился Родион Михайлов. Этот берег хозяйскую копейку, не стал нанимать работников. Сивый Пахом – косая сажень в плечах, – покрывавая и обливаясь потом, сам носил плотные, тяжелые тюки.

К Даниле, неслышно ступая остроносыми сапогами с белыми мягкими голенищами, подошел приятной наружности киргиз-кайсак. На нем был серый полосатый халат внакидку, под халатом верхняя рубаша из голубого шелка с длинными неширокими рукавами. Ворот рубашки высокий, окаймлен стежкой и застегнут белой пуговицей. Поверх рубашки – тугой пояс из кожи, а на нем медные бляшки с узорами. Обе распахнутые полы подоткнуты под пояс, а рукава слегка закатаны. Видно было, что купец совсем недавно был занят работой: из-под теплой войлочной шапки с нешироким мехом по кругу на темные виски стекали капельки пота. Штаны из белого холста изрядно припылены и измяты на коленях.

– Салам алейкум, – негромко произнес киргиз-кайсак, приложив обе руки к сердцу, почтительно, но с достоинством поклонился. – Все ли благополучно пришел? Все ли ваш караван живой-здоровый, почтенный мирза² Даниил?

Данила в удивлении вскинул русые брови – кто это так его величает? – потом прищурил серые глаза, двинул пальцем мурмолку на затылок так, что она едва не свалилась за спину. Тут же шуганул кнутом обшарпанного оренбургскими псами воришку, который уж больно настырно лез к крайнему возу. Вспоминал, вглядываясь сбоку в низкорослого киргиз-кайсака, потом узнал: встречал его здесь летом прошлого года. На его худощавом лице появилась радостная улыбка.

– Здравствуй, знакомец Малыбай!

У Малыбая щеки расплылись еще шире.

– Помнил, Малыбая помнил, мирза Даниил. – Он проворно вытер руки о внутреннюю подкладку подоткнутого халата и протянул их Рукавину для приветственного пожатия. – Торговать будем, купи – менять товар будем?

– Непременно будем, друг Малыбай. Нынче с дороги в баньку, завтра отметим Воздвижение, а потом и за торги примемся. Готовь свои товары, смотреть приду.

О русском празднике Воздвижения, когда по крестьянскому календарю с поля сдвинулся последний воз с уродившимися овощами, а птицы пошли в отлет, Малыбай не знал, но о банях наслышан. Не сдержал любопытства, потрогал полу синего кафтана на Даниле, поцокал от восхищения. Черные нестареющие глаза совсем скрылись за морщинистыми веками.

– Ка-ароший сукна, мирза Даниил. Буду кипа целый у тебя брать. А теперь моя побежал свой лавка, товар доставать нада.

Вечером, едва самаряне возвратились к себе из жаркой бани на крутом каменистом берегу Яика, их отыскал нарочный от губернатора Неплюева и передал, что тот желает их видеть поутру в губернской канцелярии.

– Скажи почтенному Ивану Ивановичу, – ответил Рукавкин молодому щеголеватому казаку, – что и сами имели намерение прийти с поклоном к его превосходительству. Утром будем непременно. Одни мы званы или еще кто? – уточнил Данила.

Казак охотно пояснил, что ему велено оповестить всех купцов, оренбургских и иногородних, откланялся и покинул покои: самаряне на время торгов сняли полдома неподалеку от Гостиного двора, у местного рыботорговца.

Укладываясь на просторной кровати около печи – чужая постель, не своя, – Данила пробормotal, обращаясь к товарищам по каравану:

– Всех созывает... не к дому своему, а в канцелярию. К чему бы это? А? Вдруг какие новые пошлины объявит нам в убыток? Да, братцы, пробежал я перед вечером по азиатским

---

² Мирза – господин.

лавкам – дороговато просят за тамошние товары. Вот кабы самим их оттуда вывозить, без перекупщиков, а? – И сам себе же ответил: – Нам о том мечтать, все равно что горбатой старухе о новом подвенечном платье.

Лука Ширванов расхохотался, а полусонный Родион выглянул из-под кафтана, непонимающе уточнил:

– Кто узрел старуху в платье?

Насмешливый Лука не утерпел и съязвил без злобы:

– Даниле сию минуту привиделась... заместо пышной Дарьи.

– Э-э, зубоскалы, – без обиды на друзей буркнул Рукавкин и повернулся лицом к стене. – Ночь уже, а им лишь бы смехотворением душу тешить. Ну, спать, спать, утро вечера мудренее...

Рассвет выдался погожий, тихий, с легким ночным морозцем. Во дворах голосили уцелевшие в зиму и оттого жизнерадостные петухи, из раскрытых дверей обильно струились соблазнительные запахи поджаренной с луком птицы, слышны были крики неугомонной детворы да перестук больших кухонных ножей: оренбуржцы отмечали праздник первой на Воздвиженье барыни – капусты, повсеместно началась ее рубка и засолка на долгую зиму.

Самаряне торопливо – не опоздать бы – прошли небольшой площадью мимо гарнизонной гауптвахты, на куполе которой большие часы в тот момент колоколом отзванивали девять раз. Над часами, поверх купола, вздымался тонкий шпиль, а на шпиле дерзко тянулся к синему свежему небу двуглавый российский орел: отвернулись те головы одна от другой в разные стороны, будто насмерть разругавшиеся невестка со свекровью.

Остановились перед парадным крыльцом нарядного двухэтажного дома губернской канцелярии.

– Нам к его превосходительству, – обратился Рукавкин к важному привратнику в новеньком мундире с сияющими пуговицами. На голове у привратника, поверх напудренного, явно чужого завитого парика, надета выдавшая виды суконная голубая треуголка, пошитая еще во времена великого преобразователя России.

– На второй этаж, в залу, ваши степенства, – не по чину величаясь, привратник будто нехотя шевельнул богатыми светло-коричневыми усами.

Вошли в прихожую, по ступенькам крашеной лестницы – ни одна половица не скрипнула под ногами почти семипудового Родиона – поднялись на второй этаж в просторный зал с окнами на юг, к Яику. По двум сторонам зала, вдоль стен, стояли скамьи, а на них – разно-великая и разноцветная купеческая братия, потому как съехалась сюда из Казани и Уфы, из Астрахани и Саратова, из Самары, Симбирска. Даже из Ростова был здесь купец Дюков, рыбный торговец.

Самаряне, войдя в зал, стащили с кудрей мурmolки, приветствовали степенную молчаливую публику почтительным поклоном. Им вразнобой ответили тем же. Данила осмотрелся, присел на край лавки у окна. Родион, немного робея перед столь внушительной купеческой публикой, примостился рядом. Ширванов задиристо двинул кого-то боком и уместился сам, а самарянин Аис Илькин поспешил приветствовать своих знакомцев – купцов из Казани. Молча ждали.

Раскрылась небольшая дверь в дальнем углу, вошел разодетый в кружева канцелярист, с уважительным брюшком и пышными полуседыми бакенбардами, без поклона публике медленно объявил:

– Его превосходительство господин действительный тайный советник и кавалер Иван Иванович Неплюев повелеть изволил сказать вам, что они будут через пять минут. Прошу всех

сидеть на своих местах и не делать хауфен меншен³. – Канцелярист ввернул чужое словцо и тугим воротником выдавил на подбородке три отвислые складки.

– Чего не делать? – не понял Родион Михайлов и, чтобы другим не выказать свою неученость, наклонился к уху Рукавкина.

– Бес его знает, – тихо ругнулся Данила. Он медленно перевел взгляд на говорившего и с неприязнью уставился на него. – Вот уж воистину – веник в бане всем господин! И стекла на серебряной цепочке повесил на грудь, должно, для одного блезиру, – поморщился, глядя на кругленький животик под фалдами просторного кафтана. – С этими заморскими аршинами, – добавил свое излюбленное ругательство Рукавкин, – того и гляди угодишь в какую-нибудь прескверную историю. Одно ясно – велит сидеть нам по лавкам, пока его превосходительство не выйдет к нам для беседы. Что он нам преподнесет за новость, а? – спросил Данила у Родиона и сам себе ответил присказкой: – Была бы догадка, а на Москве денег кадка, сумели бы взять.

* * *

Сонные купцы еще ворочались в теплых постелях от беспокойства, вызванного неожиданным приглашением в канцелярию, а Иван Иванович Неплюев чуть свет пробудился ото сна, съел легкий завтрак, вошел в рабочий кабинет. Он был в отличном настроении. И было отчего радоваться. Едва ли не впервые за десять лет со дня основания Оренбурга появилась некоторая возможность наконец-то наладить мир между ханом Нурали из Малой Орды и хивинским ханом Каипом, обиженными друг на друга до крайней степени.

А ведь в последние пять лет даже о мире среди киргиз-кайсацких орд приходилось говорить как о несбыточном деле. Беспрестанные распри нередко переходили в кровавые побоища между улусами. Киргизская знать, салтаны и баи перебегали от одного хана к другому, были своенравны и непослушны, грабили соседей, нападали на торговые караваны, которые с невероятными трудностями пробирались через безводные пустыни и степи в Оренбург, Орск или в Астрахань.

Распри соседей вынуждали оренбургского губернатора вмешиваться в конфликты ханов, но делал он это осторожно и тактично, без обид для киргиз-кайсаков, озаботясь миром на южном рубеже России. Но самым трудным был, пожалуй, год, когда погиб хитрый и ненадежный в своих словах и подданстве российским императорам Абул-Хаир, хан Малой Орды, чьи кибитки кочевали в непосредственной близости с землями Яицкого казачьего войска.

Весной несколько богатых киргиз-кайсаков из Джалаирского рода в Большой Орде уговорили каракалпаков того же рода откочевать к Сырдарье, обещая не только покой, но и защиту от чужеродцев, поскольку и сами обещались расположиться рядом. И вот до полутора тысяч кибиток каракалпаков тронулись в путь. Когда они были на расстоянии одного дня от города Туркестана, на них напали многочисленные киргиз-кайсаки хана Средней Орды Кучака и Барак-Салтана, который был одним из влиятельнейших и сильнейших салтанов в Орде и имел владения за Сырдарьей. Ограбленные каракалпаки попали в плен.

Узнав об этом, Абул-Хаир отправился на поиски обидчиков. Он нашел Барак-Салтана между речками Тургай и Улысаяк. Завязалась драка. Приближенные Абул-Хаира очень скоро бежали, самого хана настиг Щигай, сын Барак-Салтана, сбил копьём с коня. Барак-Салтан подъехал и саблей срубил голову Абул-Хаиру.

26 августа 1748 года Неплюев получил известие о гибели хана Малой Орды и был весьма озабочен неминуемым, должно быть, междоусобным столкновением кочевников.

После гибели старого хана наследовать ему должен был старший сын Нурали. Жена покойного Абул-Хаира, очень умная и почитаемая всеми киргиз-кайсаками Пупай-ханша, и ее

---

³ Хауфен меншен – толпа людей (нем.).

сыновья обратились к Неплюеву с требованием наказать убийцу и утвердить Нурали на ханство в Малой Орде.

Неплюев незамедлительно направил в ханскую ставку своего доверенного посланца Якова Гуляева с наказом всеми силами отговорить Пупай от мести Барак-Салтану, пока ее сын Нурали не будет утвержден императрицею Елизаветой Петровной в звании хана Малой Орды.

Одновременно, тайно, минуя улусы семейства убитого хана, через Башкирию, в Среднюю Орду был направлен другой посланец из бузулукских казаков – Матвей Арапов с наказом Барак-Салтану не откочевывать в глубь Средней Азии, к зюнгорцам, которые в свою очередь были озлоблены на Абул-Хаира за разграбление кашгарцев.

Нурали, опасаясь конкуренции Батыр-Салтана, отца хивинского хана Каипа, 22 октября 1748 года отправляет своих послов в Петербург в сопровождении Якова Гуляева. 26 февраля следующего года представители Малой Орды весьма торжественно были приняты императрицей, обласканы, одарены богатыми подарками. На ходатайстве послов была начертана резолюция императрицы Елизаветы Петровны: «...рассудили мы за благо новоизбранного хана назвать и подтвердить киргиз-кайсацким ханом, не именуя ни Меньшой, ни Средней Орды».

1 июля 1749 года к Оренбургу прибыли братья хана Эрали и Ходжа-Салтан, остановились за рекой Яик в пяти верстах от города, ждали скорого уже прибытия послов из Петербурга и хана Нурали из степи.

10 июля Неплюев со свитой выехал в специально построенный лагерь в одной версте от города для «всенародного объявления хана киргиз-кайсаков». Под барабанный бой и пушечный салют, в присутствии многочисленной родни и более сотни старшин и беков был зачитан по-русски, а затем по-киргиз-кайсацки патент на ханство. Нурали принял патент и торжественно положил его себе на голову. На него надели подаренную парчовую шубу на собольем меху и шапку из черно-бурой лисицы, вручили саблю, на которой было написано по-русски и по-киргизски: *«Божиею милостью мы Елисавет Первая Императрица и Самодержца Всероссийская жалует сею саблею подданного своего Нурали-хана киргиз-кайсацкого при учреждении его в сие достоинство. 26 февраля 1749 года»*.

Иван Иванович вспомнил, с какой поспешностью – словно опасался, что из-за спины метнется враждебная рука и перехватит бесценный лист плотной бумаги! – Нурали взял из его рук писанную для него в Сенате присягу и зачитал ее на своем языке, торопясь и волнуясь, все еще не веря в победу над сильными и коварными противниками: *«Я, ниже поимянованный, обещаюся и клянуся всемогущим Богом, что хочу и должен Ея Императорскому Величеству моей истинной Государыне императрице Елисавете Петровне, самодержице всероссийской, и протчая, и протчая, и протчая. И Ея Императорского Величества высокому законному наследнику Его императорскому высочеству Государю великому князю Петру Федоровичу, который по изволению и самодержавной Ея Императорского Величества власти определен, и впредь от Ея ж Императорского Величества по самодержавной Ея Императорского Величества власти определяемым наследником верным добрым и послушным подданным быть и служить Ея Величеству верно, как то верному подданному надлежит, и никакой противности ни явно, ни тайно не чинить, и подданному мне ханскому достоинству во всем поступать и исполнение чинить, по Ея Императорского Величества указам, не жалея живота своего, подчиненной же мне киргис-касацкий народ содержать по нашему обыкновению в правосудии и спокойствии, и о всяких предприятиях противу интересов Ея Императорского Величества и собственной киргис-касацкого народа общей пользы отворачивать, а ежели собою сего учинить не могу, о том заблаговременно знать давать, в заключение сей моей клятвы целую куран, и прилагаю мою печать»*.

Скрепив печатью прочитанную присягу, теперь уже не просто Нурали, а Нурали-хан вынес ее вместе с патентом на всеобщее старшин и баев обозрение, и под торжественный крик собравшихся родичей он был поднят на кошме ханов...

Хивинскому же послу, прибывшему в Оренбург, «в пристойных терминах» было отказано от поездки в Петербург, где он намеревался хлопотать об утверждении на ханство в Малой Орде Батыр-Салтана. Петербург предпочел в ханы Нурали потому, что он стоял ближе к неспокойной южной границе империи и из опасения, что он откочует со своими улусами от Оренбурга. Провозглашение Батыр-Салтана главой Малой орды усилило бы хивинского хана Каипа, воспринимавшего враждебно все начинания России в Средней Азии.

Два степняка ошетинились друг на друга. Каип-хан распорядился ввести непомерную пошлину на скот, которым торговали киргиз-кайсаки до этого беспошлинно. Нурали-хан в ответ на это разрешил беспрепятственно грабить торговые караваны хивинцев, которые шли в российские города всякую весну и осень. Противоборство грозило быть долгим и серьезно подорвать торговое дело, так успешно начатое азиатскими купцами в новых российских городках.

И вот наконец-то получено известие: Яков Гуляев писал, что Нурали-хан готов завязать дружеские сношения и вновь восстановить надежную торговую связь с Хивой и Бухарой. Хан запретит киргизам своих улусов нападать на хивинские караваны. Нурали-хан просил губернатора прислать русских посредников для переговоров с хивинским ханом.

«Стену недоверия надобно ломать нам первыми, потому как мы более сильная держава. Хивинцы нас опасаются, нам первыми и идти к ним с добрыми намерениями. И сделать это могут только купцы, а уж за ними и посольству дорога будет проложена. Прибытие русского каравана в Хиву выкажет хану и тамошним купцам наше доброе к ним расположение и безопасность пути к нашим городам» – так решил Неплюев после долгих ночных раздумий. Одно беспокоило Ивана Ивановича – сыщутся ли охочие люди пойти в Хиву? Великое мужество надо иметь в сердце, чтобы отважиться идти к ханам, с рук которых еще не смыта кровь российских людей.

Неплюев в задумчивости потер пальцами высокий лоб, над которым густо вились когда-то черные, а теперь разбавленные неумолимой сединой волосы.

Уставшие глаза подернулись влагой, едва вспомнился в эту минуту незабвенный покровитель и воспитатель Петр, царь и труженик.

«Знал бы ты, батюшка Петр, что твоими помыслими жива лучшая часть России. Тобой намечен путь, по которому ныне готов я направить русских мужей. И подвиг этот можно будет смело приравнять к подвигу Ермака, распахнувшего для России дверь в бескрайнюю Сибирь, к подвигу Беринга – мореплавателя, открывшего Аляску. Моим же посланцам предстоит открыть путь российским караванам в земли богатейшей Азии, до Хивы и Бухарин, а затем, быть может, и до сказочно богатой Индии, о которой мечтал и ты, батюшка Петр. Великое дело – проложить первую тропу, сделать почин...»

Две складки от большого с горбинкой носа ко рту обозначились еще четче от горькой думы, что рано осиротила Россию смерть Петра. Только набрала она бег, как умер ее прозорливый кормчий. И завертели Петровым ковчегом чужие ветры, пошли временщики-немцы при царицах, а помыслы у тех временщиков не о благе и чести России, ее народа...

Неплюев прошел от стола к окну, в которое слева заглядывал косой луч взошедшего солнца. Высохший ковыль степи за низким левым берегом Яика порозовел. День обещал быть теплым, безветренным.

Вид безбрежной светло-розовой степи отвлек от мыслей о прошлом, вернул к реальности дня сегодняшнего. Неплюев еще раз просмотрел письмо Гуляева, крикнул канцеляриста, чтобы вызвал к нему толмача Чучалова, да не мешкая. А сам вновь по-стариковски загрустил о далекой молодости. «Нетленна память, батюшка Петр, о делах твоих. И в поучение всем нам, твоим выученикам. Како ты пестал нас, к наукам и делам приучая, тако же и мы теперь в меру сил... Вот ныне у меня при канцелярии открыта школа толмачей, а беру я в ту школу способных да расторопных отроков. И тем имею добрых помощников для переговорных дел со здеш-

ними ордами и дальними государствами. Иначе был бы я нем и глух. Старательным толмачам и жалование кладу не малое, по пятидесяти рублей в год, как церковному протопопу...»

Толмач Петр Чучалов, двадцати пяти лет от роду, неловко сгибая в поясище узкое и длинное, почти саженого роста тело, робко вступил в кабинет, замер: неужто промашку в чем допустил и теперь не миновать крепкой выволочки, а то и места лишит. Наголодаешься вдоволь, пока найдешь еще какую службу после позорного изгнания от самого губернатора!

Иван Иванович с полувзгляда приметил состояние толмача, дернул густой бровью, готов был пристыдить, да вдруг с усмешкой припомнил, как однажды в столице прокутил ночь с товарищами, утром же припоздал на судовую верфь, где самим государем был к строительству нового корабля поставлен за старшего. Пришел, а царь Петр уже ходит по фрегату и не раз справлялся о Неплюеве. И только чистосердечное признание тронуло сердце скорого на расправу царя, и вместо брани оробевший Неплюев был удостоен отеческой улыбки и шутки: «Кто бабке не внук!» Однако на всю жизнь запомнил тот случай Иван Иванович и подобных промашек по службе впредь не допускал.

Неплюев смягчил взгляд, подозвал толмача ближе к столу, разрешил сесть. Коротко сообщил о письме Гуляева и о просьбе киргиз-кайсаков о посредниках:

– Вот и надумал я послать тебя вместе с Гуляевым в Хиву. От себя же буду писать письма к хивинскому хану да к верному нашему другу старшине Куразбеку. На его содействие весьма располагаю, к нему и особые подарки от меня повезешь. Готов ли ехать? Нет ли каких причин в семье к отказу?

У Чучалова затылок будто сухой коростой покрылся. Почудилось, что голова превратилась в крохотный детский кулачок. Ответил первое, что пришло на ум:

– Не опытен, ваше превосходительство... Обишусь среди иноверцев... В чужих землях не доводилось быть, больше при канцелярии, с бумагами.

– В канцеляриях, мил дружок, много не высидишь и не выслужишь. Крут бережок, да рыбка хороша, как говорят яицкие казаки. А в поездках приобретешь и опыт и знания, – успокаивая оробевшего толмача, негромко и не торопясь говорил Неплюев, меряя просторный кабинет широкими шагами. – Дело надо сделать весьма важное, государственное дело по всем статьям. Не просто толмачами поедете: я сказал, а вы передали, но посланцами с правом принимать решения от моего имени, если выгода в том для России будет. За старшего будет Яков Гуляев: этот парень на свои руки топора не уронит!

Неплюев остановился против сидящего как на углях Чучалова:

– Страшатся хивинские ханы возмездия за убийство князя Черкасского и его воинства, потому и не идут на установление добрых с нами сношений. Ваш приход в Хиву и явится тем добрым сношениям изначальным примером. Уразумел? – И после недолгого молчания добавил: – Если завершите переговоры между киргиз-кайсаками и хивинцами миром, будет в том превеликая польза и нашему Отечеству. Тогда вот вам мое губернаторское слово: исхлопочу перед государыней дворянские звания. Пример вам усердной службы – мой теперешний бригадир Тевкелеев.

Чучалова в жар кинуло. Из безродных полунищих посадских людишек – во дворяне! Да с пожалованной от матушки-государыни землицей с дворовыми крестьянами! За такое благодеяние он готов не только в Хиву, но и за край света...

Чучалов бухнулся на колени, глаза затмили слезы.

– Ваше превосходительство... Все исполню, приказывайте!

– Встань, голубчик. Теперь идем со мной к купцам. Поедешь до Нурали-хана при российском караване.

Петр Чучалов едва не вскрикнул от радости. Как? Не один поедет через дикую разбойную степь, а при караване? Да ведь это совсем иное дело, и страшиться, поди, нечего.

Счастливо улыбаясь, толмач подскочил к двери и распахнул ее перед губернатором.

Купцы дружно зашаркали сапогами, поднимаясь и поклоном приветствуя Неплюева, наделенного императрицей и Сенатом большими полномочиями в этом необъятном, мало обжитом крае, в том числе вершить суд и расправу.

Ответив купцам общим поклоном, Неплюев негромко сказал:

– Садитесь, уважаемые гости. Прошу выслушать со вниманием, потому как дело, о котором пойдет у нас речь, весьма важное, а для купечества прибыльное, хотя и хлопотное.

По скамьям легким ветерком прошел заинтересованный и облегченный шепоток: слава богу, не о пошлинах речь пойдет.

– Известно вам, сколь давно и пока безуспешно пыталось российское купечество встать твердой ногой в сказочно богатых азиатских городах. И что же? До сих пор лишь тамошние купцы везут в малом количестве свои товары к нам и продают, кладя прибавку в цене за перевоз. Мы же берем что есть, ибо выбирать не из чего.

Неплюев говорил об Афанасии Никитине, который ходил в неведомую Индию во времена государя всея Руси Ивана Третьего, говорил об убитом в Хиве в 1603 году купце-одиночке Леонтии Юдине, о князе Черкасском, посланном Петром Первым в хивинские земли, чтобы отыскать старое русло Амударьи и, повернув ее воду в Каспий, по ней установить безопасный торговый путь в Хиву и Бухару.

– Что из этого вышло, сами помните. И поныне уцелевшие в живых российские воины из того отряда вот уже тридцать шесть лет томятся в неволе, а сам князь сложил голову от ханского коварства. А ныне и над тем малым хивинским торгом здесь, в Оренбурге, нависла лихая беда: не ждать к осенним торгам тамошних купцов.

– Отчего же так? – вскинулся с места Данила Рукавкин и обвел купеческие ряды удивленным взглядом. – Вот тебе и осенняя ярмарка! И хивинские шелка да ковры к перепродаже дома! Таковую даль тащились, такой убыток имели – и все, выходит, впустую? – но тут же повинился, что невольно прервал губернатора, сел, скомкал в кулак небольшую русую бороду. Рядом замер Родион Михайлов, тоже в растерянности.

– В минувшем июле, – пояснил Неплюев, поглядывая на взволнованного неожиданным известием Рукавкина, – разбойная ватага киргизцев в верховьях реки Сагиз разграбила караван в шесть верблюдов и четыре лошади при двадцати четырех хивинцах. Под тот разбой попал и казанский татарин Аит Усеев с товарами.

Казанские купцы завозились на лавках, кто огорчился, а кто и обрадовался, не сумев скрыть злорадной искры в глазах.

– Вслед за тем был разграблен и второй караван, который возвращался из Оренбурга в Хиву с двумя десятками выючных верблюдов. Сами понимаете, вряд ли кто отважится идти к нам после такого разбоя.

По купеческим рядам прокатился ропот беспокойства. Татары зацокали языками, россияне кряхтели в кулаки и чесали бороды: пропала ярмарка, а с нею и надежда на выгодный торг. А друг у друга что за интерес покупать – товар без малого одинаков. Разве что башкирцы привезут меха и мед, как и в прошлые разы. Но все возы одним медом не затаришь.

Неплюев сказал купцам о принятом решении отправить с киргизским посольством российский караван.

– Не пугаю вас, но говорю, чтоб знали: опасен и весьма труден путь в те земли, но важен он нашему Отечеству. И кому-то же надо быть первопроходцем. Идти придется без воинской стражи, только с добрым сердцем. Оно же пусть расположит к доверию и дружбе инородцев, а стало быть, и к миру между государствами. Жду вашего согласия, почтенное купечество.

Неплюев обвел взглядом враз сникшие купеческие головы. В большом смущении опустили бойкие глаза, смотрят на сапоги. Купцы кряхтят, чешут затылки, словно не мылись в бане с самой весны, прикидывают про себя и так и эдак, о чем-то тихо переговариваются.

Данила Рукавкин – он и сам не мог потом объяснить себе, какой бес боднул его в ребро! – едва на нем остановился обеспокоенный губернаторов взгляд, с отчаянной смелостью поднялся и ступил на два шага вперед, поклонился рукой до пола, словно князю.

– Пиши, Иван Иванович, меня в тот караван. Лихая мачеха – чужая сторона! Да и на своей печи что за честь умереть от старости? Так ведь, ваши степенства? – И Данила задорно вскинул голову, качнул мягкими волосами, обстриженными под кружок, отчего на миг обнажились широкие залысины. – Не зазовем к себе азиатских купчишек, закахнет наш торг, как чахнет саженец, выдернутый из земли. А выгодно расторгнемся в Хиве да привезем хороших товаров, то и достаток наш без малого удвоится. И Отечеству тем послужим, как сказал Иван Иванович. Иду я!

– Спаси бог тебя, Данила, – поблагодарил Неплюев смелого самарянина. – Кто еще впишется в караван?

За спиной Рукавкина кряхтит в душевной борьбе Родион Михайлов. И было отчего терзаться приказчику. Хорошо рисковать Даниле, он сам себе голова: захотел – поехал, захотел – нет. И дома в амбаре про запас хоть что-то да осталось на черный день. А у Родиона чужое, не свое добро. Случись что в дороге от подобного разбоя, как с купцом Усеевым, тогда что делать? Чем возместит убытки купцу Кандамаеву? Вдруг и капли жалости не выкажет к сиротам, продаст за долги последний домишко да в кабалу ввергнет со всем немалым семейством.

А с другой стороны? Если удачно обернется поездка в Хиву, он и Кандамаеву барыш привезет изрядный, и себе сумеет сколотить маленькую толику денег, да у Данилы чуток при займет, накупит индийских да персидских товаров, в Самаре свою торговую лавку откроет. И – сам себе хозяин, сам купец! Эти зыбкие надежды пересилили страх перед неизвестной страной и не топтанной россиянами дорогой.

«Господи, благослови раба твоего Родиона на опасный промысел ради живота его», – помолился Родион, встал рядом с Данилой, а в глазах – будто туману кто напустил. Только и хватило сил сказать:

– И я иду.

В лихой отчаянности вскочил Лука Ширванов. Маленького роста, нарочито одетый в старенький суконный кафтан, чтобы казаться беднее, чем на самом деле, он живо вышел в центр зала, ближе к Рукавкину, стрельнул задиристыми глазами на татарские черные бороды, тряхнул при этом густыми волнистыми кудрями.

– Эхма! Неужто вымерли храбрые самаряне? Вот же, нет! Христианин, а отважусь пойти в мусульманское пекло, вооружась божьим словом в дорогу. Пишите и меня в караван. Мой приказчик Иван Захаров надежный малый, из бывших драгун, огненному и сабельному бою обучен отменно. Коль нападут на нас разбойники, он от них отстреляется, а нам будет при караване за военного коменданта, – уже в шутку добавил Ширванов, польщенный тем, что может оказать своим поступком посильную помощь самому губернатору, раз уж он их так просит.

Неплюев посветлел лицом: набирается народ, есть уже кого посылать в Хиву. Если бы еще для солидности человека два-три, то и вовсе было бы отменно.

Вызывающая смелость слабого телом Ширванова будто подстегнула купцов-татар. Первым из них поднялся Аис Илькин, решил не отставать от земляков-самарян. Растягивая в улыбке широкий рот, прикрытый черными усами, он подбоченился фертом и обернулся к Ширванову, словно молоденький петушок перед наскоком.

– Ты думал, татарина трус, да? Писать, однака, нада и меня твой караван, началных губыратыр.

Поднялись селитовский купец Гумер Улеев, казанские купцы Муртаза Айтов, Абдулзелил Заитов, приказчики Алей Армяков, Смайл Яферов.

Неплюев не ожидал такой отзывчивости купцов, растроганно сказал доброходцам:

– Не забудет Россия вашего подвижничества, а я не оставлю вас без внимания и в чужой земле, о том не сомневайтесь. Назначаю вам в караванные старшины самарянина Данилу Рукавкина. Будьте ему в послушании, а он порадует о вашем деле с твердостью и заботой. С богом, детушки Отечества!

Данила был польщен назначением караванным старшиной, немало удивился выбору Неплюева: должно быть, сыграло тут роль их многолетнее уже знакомство и добрая репутация Рукавкина среди оренбургских жителей. Купцы откланялись, повалили гурьбой к выходу, загалдели, обсуждая только что услышанное. Рукавкина Неплюев задержал, чтобы присоветовать, каким путем лучше идти.

– До Троицкой крепости лучше и легче ехать левобережьем. Здесь дорога гораздо ровнее да и крепостей больше вдоль Нижне-Яицкой линии. А вообще, Данила, для остротки возьми некоторое число ружей и пистолей, чтобы по ночам караул возле каравана ставить непременно. Береженого, как говорят у нас, и Бог бережет, всякое может случиться. В Троицкой же крепости ты, Петр, – Неплюев обратился к Чучалову, – моим именем возьми охрану, сколь пристойно вам будет иметь, ибо там форпостов совсем нет до Яицкой крепости. Из Яицкого городка пойдете до Сарайчикова форпоста правым берегом. Там что ни день, то форпост на пути, там безопасно. А от Сарайчикова до кочевий Нурали-хана совсем близко, в тех краях о вашем караване никто знать не будет. Там и разбоя меньше, нежели по дороге от Оренбурга и прямо на реку Эмбу. Однако ж и за Яиком спать ночью только под надежным караулом.

Неплюев помолчал, глядя в строгое худощавое лицо самарянина, добавил:

– На сборы даю три-четыре дня. Путь дальний, могут и задержки случиться. Хорошо бы по теплу вам успеть дойти до ханского становища. Страшные метели случаются в степи, упаси бог попасть под них.

– Мы-то свои товары еще не развязывали, – пояснил свою готовность Рукавкин, откланялся и поспешил к выходу.

Неплюев проводил его добрым взглядом, приказал Чучалову дожидаться писем к хивинскому хану и старшине Куразбеку. И ушел с облегченным сердцем в свой кабинет писать.

* * *

Быстро, в хлопотах прошли дни сборов. Перед дальней дорогой выслушали литургию в новом каменном Преображенском соборе, освященном 12 ноября 1750 года преосвященным Лукой, епископом Казанским и Свияжским, да и покинули уютный Гостиный двор. Знали, что надолго, потому как путь лежал в далекую страну, к чужим людям.

Проводить караван из города выехал и губернатор Неплюев. Он старательно сидел на буланом коне, опасаясь на людях горбить уставшую с годами спину. Большой круглый орден сиял на левой стороне нового мундира. Иван Иванович, вслед за стареньким батюшкой Иакинфом, крестил едва ли не каждый воз, проходящий мимо по дороге: караван по крутому откосу спускался из Водяных ворот к мосту через Яик, мутный после недавних сильных дождей в своих верховьях, среди гор Каменного Пояса.

– Но-о, пошла, ретивая, недошуг дремать! – покрикивал на переднем возу шепелявый Герасим, размахивая длинным кнутом над конскими спинами более для вида, нежели для дела. Накануне выхода каравана Данила долго говорил с Герасимом, не убоится ли тот идти в чужие края, где и головы можно лишиться. Герасим, не рисуясь, ответил:

– Един Бог над нами, здесь ли, там ли. Пофартит, так ты уж, хозяин, не оштавь меня без милошты, дай крышу над головой до шкончания веку. Иной платы и не надобно бездомному да безродному бурлаку. А я тебе готов шлужить из вших моих шил.

Растроганный его словами, Данила обещал не только крышу, но и приличный корм и при-смотр, если хворь в ногах и вовсе с годами дойдет его. И вот теперь, веселый и взволнован-

ный началом дальнего похода, рыжебородый Герасим ловко управлялся с сытыми жеребцами. Кони проворно, но опасливо спускались вниз, верблюды же размеренно перебирали длинными ногами – понукания эти величественные животные не признавали. На верблюдах везли свои тюки татары, самаряне же решили добраться до Яицкого городка на возах: там кони и возы гораздо дороже, верблюды, напротив, дешевле, нежели в Оренбурге.

Колеса прогрохотали по бревенчатому настилу, и вот уже караван на левом берегу Яика. Миновали небольшую рошу, наполовину сбросившую листву, обогнули глубокую старицу, темную под осенним небом и в тени непролазных кустов. Потом по насыпной дамбе переехали еще одну, поуже и помельче первой, и впереди показался Меновой двор, построенный для летней торговли со степняками в пяти верстах от города.

Данила, возбужденный, сияющий, подъехал к молчаливому Родиону, шутливо ткнул его плетью в широкую спину.

– Что, брат, сгорбился! Бодрись, иначе съест тебя черная тоска, и свалишься на землю, как старый гриб, источенный червями. Видишь – доволен я нашим предприятием, сбылась отчаянная мечта – еду к азиатцам в гости непростенно. А вот что ждет нас там, никому не известно, – и Данила плетью указал на юг, в сторону серой и угрюмой однообразием, неоглядной до горизонта киргизской степи. – Душа моя Дарьюшка в слезы ударится, когда получит горькую весточку. Поплачет да и успокоится, такова их бабья доля. Для истинного же купца дальний путь – будто дорога в рай, терниста, но желанна.

Родион слушал Данилу вполуха, боролся со своими сомнениями: а не зря ли он отважился на рискованный промысел?

– Не поседеть бы моим кудрям раньше срока, – проговорил он.

– Эка печаль – о волосах! Был бы прок от забот, – живо возразил Данила. – Чует мое сердце, что без солидного барыша домой не воротимся. На наши товары в хивинских городах спрос будет отменным. Не зря же Малыбай так просил уступить ему кафтанное сукно, ох не зря. Понимает он толк в торговом деле, не первый раз встречаемся. Зря копейку не истратит. Довелись ему алтын обронить в степи, так весь ковыль руками передергает, а отыщет, истинный бог, не вру. И в то же время хлебосол отменный, чаевал у него однажды в Оренбурге.

Данила размышлял, как, возвратясь из Хивы, в зиму поедет в Петербург за английскими и голландскими товарами, что пришла пора и самарянам ставить дело на большую ногу. Незаметно подъехали к Меновому двору, где за воротами стояла красивая уютная церковь с изящными куполами и оконными обводами.

Таможенники в присутствии Петра Чучалова бегло осмотрели возы и тюки и пригласили купцов оформить бумаги, а к каравану тем временем сбежалась тьма покупателей, бывших в тот сентябрьский, пожалуй, последний теплый еще день на Меновом дворе.

Один коренастый и верткий чернобородый киргиз в черном бешмете – на щеке у него резко бросался в глаза свежий, еще рваный шрам – до того надоел Ивану Захарову, расспрашивая, какой товар везут купцы и куда путь держат, что всегда спокойный приказчик не выдержал допроса, схватил тяжелую плетью, вскинул ее над головой:

– Изыди, нехристь! Развалю до пояса!

Киргиз скакнул в сторону, замахал на Ивана руками и тут же пропал в многолюдной толпе, будто дождевой пузырь на воде лопнул – был только что, и нет более следов от него.

С другого бока к возу подошел тучный, но еще не старый купец в белой меховой шапке с высоким остроконечным верхом. Он поманил сумрачного Захарова, а когда тот склонился с воза, проговорил, с трудом подбирая русские слова и поминутно озираясь:

– Совсем плохой человек, который носит вот так, – и купец пальцем провел себе по правой щеке, показывая, будто и у него рваный шрам. – Большой баранта⁴. Купца ночью,

---

⁴ Разбойник.

как чекалка⁵, смотри – смотри долго, потом смерть присылай со своими людьми... – Киргиз запнулся, подбирая нужное слово, и выбрал, но не совсем удачное: – Его многим смерть подари ночью. Его не честный купца, его Кара Албасты⁶. Тебе нада просить у мирза на-чалнык много нукер. Бисмылля, бисмылля⁷.

Иван с тревогой смотрел в спину толстого киргиза, пока его ватный халат из полосатого сукна не затерялся в толпе. Лука Ширванов, подойдя вместе с Рукавкиным и Михайловым, спросил:

– Что он тебе тут толковал?

– Плохой человек вертелся возле наших возов, вроде разбойника, тот, что со шрамом, – добавил Захаров, будто купцы видели Кара-Албасту. – Советовал стражу – нукеров попросить у таможенного начальника, чтобы по воинскому артикулу сберечь караван.

Данила отмахнулся:

– Почудилось робкому степняку. Откуда здесь быть разбойнику? И что он один сделает нашему каравану? Ведь нас с татарскими купцами и их погонщиками девятнадцать человек. Ну, с богом, братцы, в путь по чужой земле.

И под скрип колес и позвякивание колокольчиков на длинных верблюжьих шеях караван покинул Меновой двор. Впереди открылась ровная как столешница на сотни верст степь.

---

⁵ Шакал.

⁶ Черный Дух.

⁷ «Во имя Бога» – напутственное благословение.

Первые версты

Меновой двор оставили в полдень и чуть приметной в степи дорогой отправились, отмеривая первые версты, вдоль Яика, вслед за его мутной водой, убегаящей на запад. Скупое светило осеннее солнце на Зосиму⁸, заступника пчеловодов. В этот день рачительный хозяин непременно перетащит ульи в теплый омшаник. На Зосиму только и следи за ветром, откуда и какую принесет погоду: если подует с севера – жди недалекую стужу, потянет южак – быть теплу, если прилетит ветер с заката солнца – быть нудной мокроте, зато ветер восточный непременно обещает ведренную погоду.

А ветра-то и нет пока над яйцкими полуоголенными зарослями. Упал с клена оранжевый лист, ночью от непривычного заморозка продрог и съжился, будто живая тварь, стараясь хоть чуточку согреться. Березка и могучий дуб еще хорошо сохранили свою пышную листву, не торопятся выказывать робость перед наступающей осенью.

Совсем опустели после Никиты-гусепролета⁹ редкие в степи перелески над балками и полусухими протоками Яика. Вслед за гусями исчезли мелкие перелетные птицы, а сырой и прохладный туман-ночник загнал бабочек в прикоренье или под ненадежную защиту опавших листьев.

На землю неотвратимо шло предзимье.

Данила долго ехал молча, смотрел на унылое однообразие умирающей природы, удивлялся, если замечал над Яиком еще сравнительно зеленую ольху или куст бузины в красных гроздьях мелкой ягоды. С тоской провожал улетающих на юго-запад синеголовых зябликов. В уши лез назойливый скрип возов за спиной и однообразный перезвон колокольчиков на кри-вых верблюжьих шеях.

Впереди каравана, словно в авангарде воинской колонны на марше, неспешно ехали Иван Захаров и высоченный, сутулый в плечах Петр Чучалов. Губернаторов посланец, одетый в серый суконный плащ и черную треуголку, выделялся среди прочих еще и тем, что плащ на нем топорщился сзади от длинной шпаги, надетой поверх кафтана. Шпагу подарил ему сам Неплюев, сказав при этом:

– Да видят в тебе инородцы служилого человека, а не купца.

Одна обида – не умел той шпагой владеть Петр, с опаской поглядывал на просторный даже для его ладони эфес – не приведи бог случая, когда пришлось бы вынуть из ножен острый и длинный клинок!

Татары ехали в хвосте каравана, и оттуда то и дело доносился дружный смех: Аис Илькин опять чем-то развлекал единоверцев, должно быть сочинял всякие небылицы из своей жизни в Самаре или пересказывал сказки про русских попов да чертей.

Рядом с Даниилой Рукавкиным задумчиво покачивался в седле Родион Михайлов, хмурил брови и тяжело вздыхал.

– Будет тебе воздухом-то грудь рвать, – нарушил унылое молчание Данила. – Решился – теперь крепись. Назад только раки пятятся. Глядя на тебя, как не вспомнить: беда пыжику – на него и с кровли каплет...

Родион невесело отшутился:

– Досказывай, коль начал: беда и остолопу – рук-ног девать некуда! Так, что ли? Нет, Данила, о себе не тужу особливо, если что и стрясется с караваном. А вот как хозяин посмотрит на мое самоуправство? И в то же время иного случая самому выбиться в люди Бог вряд ли еще

---

⁸ 19 сентября (1 октября н. ст.).

⁹ 15 сентября.

даст. Как знать, вдруг да поймаю в той земле свою жар-птицу. Говорят же, стыдиться жены, так и детей не видать.

– Либо в чужом краю отважный риск, либо в пустом амбаре мышинный писк! Купцу некому сказать: вот тебе хомут и дуга, а я тебе не слуга! Купец сам себе и бедный работник, и первый ответчик! Другого нашему купеческому сословию не дано, брат Родион. Ежели надумал торговлей промыслять, тогда озаботься многотерпением к постоянным отъездам и к невозвратным порою утратам в нажитом скарбе. Без этого купчишка тоже не живет. Случается, что и его стригут начисто, словно овцу бессловесную...

– Караванный старшина! Глянь-ка на наш левый фланг! – вдруг подал встревоженный голос Иван Захаров.

Рукавкин быстро повернулся в сторону ровной киргизской степи, укрытой невысоким ковылем, будто бесконечным пуховым покрывалом. И успел заметить, как два верховых на низкорослых конях проскакали неглубоким суходолом и скрылись в тальниковых зарослях, верстах в двух от дороги. И словно провалились там вместе с гривастыми степными скакунами.

Петр Чучалов дождался Рукавкина, будто от ветра надвинул на тонкие брови треуголку, чтобы скрыть беспокойство, мелькнувшее в светло-зеленых глазах. Неприметно для караванного старшины проверил, на месте ли заряженные пистолы.

– Мы с Петром давно издали их приметили, – пояснил Иван Захаров, и его длинное лицо с тяжелым подбородком стало еще более сумрачным, – да поначалу подумали, может, попутчики нам приближаются к тракту. А оне тайно стали объезжать караван да не торопятся, разрази их Илья-пророк, будто примечают, чего и сколько у нас.

Рукавкин еще раз пристально всмотрелся в те заросли – никаких признаков жизни.

– Не пришлось бы в ночь вагенбург¹⁰ ставить, – высказал опасение Иван и крепкой рукой погладил серого коня по шее. Неожиданно с драгунской лихостью предложил Чучалову: – Возьмем-ка этих доглядчиков в палаши!

Данила Рукавкин, невольно вырывая смутившегося до бледности Чучалова, решительно воспротивился:

– Никакого самовольства, Иван! Да и нет нужды зазря рисковать. Вдруг там не только те двое затаились. Еще, чего доброго, стрелами из кустов побьют, они это умеют. Пусть сами опробуют напасть на караван, коль сила у них где-нито сокрыта, мы в долгу не будем.

– И то, – с неохотой уступил отставной драгун.

Пока они переговаривались, караван успел пройти несколько вперед. Подтянулись, брэнча колокольчиками, неторопливые верблюды. Рукавкин через Аиса Илькина передал Муртазе Айтову, старшему годами среди казанцев, чтобы не растягивались во избежание неожиданного налета разбойных киргизцев.

– Вот степные черти, их и Крест Господний не берет, – ругнулся и тут же перекрестился набожный Лука Ширванов. – Изловить бы да по старинному обычаю за татьбу избить дохлыми собаками. Прости, Господь, вкралась в сердце лютость, должно быть от робости, – признался он.

До Чернореченской крепости – двадцать восемь верст от Оренбурга – дойти в тот день не успели. Место первой ночевки выбрали там, где Яик огибал крутобокий, обмытый с трех сторон береговой выступ. Напоили коней, верблюдов, сами отужинали, отгородились от ненадежного чужого простора сдвинутыми возами, на возы легла первая ночная стража. Выдав им оружие, Рукавкин настрого предупредил не дремать.

– Не впервой в секрете лежать, – отозвался Иван Захаров. Тревожная обстановка была по душе тридцатипятилетнему отставному драгуну: минувшим летом упал с коня, расшиб колено

---

¹⁰ Вагенбург – военный походный лагерь из повозок.

и вышел из армии. К барину не вернулся, в Алексеевском пригороде купил домишко и зажил с женой и двумя малолетними дочками, сам себе хозяин, на жалованье.

Выставив караулы, Данила обошел яицкий берег – отсюда без шума и риска не подняться человеку, комья глины посыпятся в воду. Да и кустов надежных совсем нет, чтобы за них цепляться, карабкаясь в кручу.

Увидел, как казанские татары из тюков достают припрятанные от таможенного досмотра ружья, деловито осматривают. Подошел, тронул рукой Айтова.

– Муртаза, ведомо же тебе, что ружья и пистолы возить тайно в чужие земли запрещено, государев закон не велит. Да и губернатор предупреждал нас об этом. Почему не объявил об оружии при таможенном досмотре?

Тучный, будто емкая квашня, на коротких ножках, Муртаза Айтов подскочил с тюка, на котором собирался спать, перед Рукавкиным потрянул тяжелым ружьем и с вызовом прокричал:

– Кто говорил, что моя продавать берет ружье? Себя нада спасать! Забыл, как случился с купец Усеев? Да? Был купец, теперь чужой тюка на своей спина таскает в Оренбурге, как эта верблюда! Ходил к нему, своими глазами видел!

От внезапной вспышки гнева у Айтова тряслись толстые щеки, по смуглому, освещенному пламенем костра лицу пробежала нервная судорога, покривила губы. Густая, как смоль черная борода тряслась.

В один миг рядом очутился Аис Илькин, спокойно пытаюсь унять Айтова, но тот нервно сбросил его руку, уподобился драчливому петуху, который, завидя противника, с вызовом подбрасывает перед собой мусор и гребет ногами, выказывая готовность к драке. Аис улыбнулся, что-то проговорил по-татарски, потом добавил:

– Зачем на караванный старшина кричал? Он и сам понимал, какой нам опасный дорога лежит.

И у Илькина в руках ружье! Когда только успел вытащить?

«В Оренбурге запаслись, прознав о поездке в Хиву, – догадался Данила. – А может, и в самом деле к лучшему, а то бы в таможене отняли. Кто знает, что может приключиться, не зря губернатор предупреждал про караулы, каждую ночь вести службу охраны велел. Пусть везут, невесть кто может и нам повстречаться: у вора ремесло на лбу не написано! Развелись добрые молодцы: люди хлеб молотить, они замки колотить». Отошел к своим возам. Айтов, возвращаясь на свое место, что-то ворчал, но постепенно успокоился и затих.

Под возом, укрывшись старенькими полушубками, лежали рядом и тихо переговаривались Герасим и сивый Пахом. Данила примостился рядом, на тюках с сукном, укрытых плотной дерюжкой от едкой пыли и дождя. Лежал и долго, пока не сомкнул глаза от усталости, все смотрел, как по темному небу бесшумно перекачивались огромные неповоротливые осенние тучи, словно наталкиваясь друг на друга – это нижние закрывали от взгляда верхние, менее подвижные. За облачностью луна то и дело пропадала, будто играла с Данилой в кулюкушки, а в просветах мелькали настороженные дрожащие звезды: мигнут на секунду и исчезнут, мигнут – исчезнут и так до бесконечности, пока плывут тучи и ветер рвет их в небесной выси на лохматые, бесформенные одеяла непомерной величины.

Вспомнилась Самара, свой двор, Дарьюшка в белом сарафане на высоком крыльце. Стоит, улыбка играет на полных губах, и белой рукой от солнца закрывается: на юг смотрит, куда ушел ее бородатый медведущко...

Всхрапывали рядом кони, вздыхали верблюды, о чем-то лениво, засыпая уже, перешептывались караванщики. Наползала на землю первая беспокойная ночь в чужой степи, открытой холодному ветру и лихим людям.

Перед самым рассветом всех всполошил выстрел. Данила вскинулся, со сна не соображая, где он. Увидел коней, верблюдов, встревоженных товарищей, тут же выхватил из-за пояса пистоль, кинулся к возу.

– Что стряслось?

Над возом, привстав на колени, возвышался Родион. Поодаль, готовые тоже пальнуть, лежали казанцы Удеев и Заитов. Из ружейного ствола Родиона чуть приметно вытекала зыбкая сизая струйка порохового дыма. Родион полушепотом, будто боялся вспугнуть того, в кого стрелял, ответил:

– Шаги почудились, кто-то кошкой крался, – и стволом ткнул в сторону зарослей над Яиком. Прислушались. Вокруг в легкой пелене утреннего тумана стояла тишина, и только изредка плескалась река, когда с обрыва в нее падали комочки подмытого берега.

Не видели караванщики за кустами да за туманом, как в полусотне шагов от них, вжимаясь в густую траву, ящерицами уползали двое в теплых ватных халатах. Уползали прочь, убедившись, что купцы по ночам стерегут себя и что сонными их взять вряд ли удастся. А еще дальше, в трех верстах, чтобы не выдали себя нечаянным ржанием, паслись стреноженные кони и терпеливо дожидались своих беспокойных хозяев.

До восхода солнца купцы были уже готовы в путь. Данила, пока выючили верблюдов, в путевом дневнике успел сделать первую запись: *«Во исполнение Высочайшего повеления и по усмотрению господина губернатора тамошних обстоятельств, в опыте к свободной с бухарскими и хивинскими народами коммерции, через дикие и степные места киргиз-кайсацкою ордою до Хивы и Бухарин отправлен был купеческий караван с товарами, при котором определен я был главным».*

Закрыв толстую тетрадь – подарок губернатора, чтобы все, что встретится интересного, можно было записать для памяти, – Данила распорядился начать новый дневной маршрут на запад.

Теперь Рукавкин старался распределять дневной путь так, чтобы засветло быть в дороге, а к вечеру поспевать дойти до очередной крепости на реке Яике. Крепости хоть и были на противоположном, правом берегу, более гористом, неровном для езды, да около них все надежнее, чем в открытой, отовсюду просматриваемой и незащищенной степи.

Чучалов выезжал к коменданту, губернаторовым именем требовал солдат, и ночью купцов надежно стерегли караулы.

Так миновали в спокойствии крепости Чернореченскую, Татишеву, Нижне-Озерную, Рассыпную, а потом с огромным удовольствием отмывались в банях Илецкой крепости, которая уютно разместилась на левом бугристом берегу Яика при впадении в нее степной речки Илек. Здесь Данила решил сделать недолгую стоянку, починить возы и перековать некоторых коней.

Вместе с купцами из Илецкой крепости выехали домой шесть яицких казаков, чему караванщики были очень рады – ведь от Илецка и до Яицкой крепости много дней пути и нет ни одного форпоста. Под надежной охраной казаков продолжили путь, обходя киргиз-кайсацкую беспокойную степь.

Одна из ночевок совпала с приходом к устью реки с красивым названием – Утва. Отужили. У костра, где сидели казаки и самаряне – татары разместились чуть в сторонке, ближе к реке, – завязалась неспешная беседа людей, которым волею судьбы предстояло провести в дороге не один день.

– Вот кричат: «Казак, казак!» – разбойник, дескать. Откуда это слово взялось у нас? – спросил Рукавкин, с любопытством поглядывая на седого, сутулого казака.

– Слово это не наше, – ответил старый казак, не спеша набив табак прокуренную глиняную трубку. – Досталось оно нам от татар. По-ихнему оно значит – вольный, бездомный, бродяга. Таковыми были те, кто первыми бежали на далекие окраины России, пока вновь не вступили под царскую руку. За это получили не очень, правда, щедрую казну и корм, да службу начали править царям московским. Имя же так и прилипло к нам.

– Корм получили, да волю потеряли, – негромко обронил один из казаков, с могучей, темно-коричневой от загара шеей. Из-под бараньей шапки торчали в стороны черные густые кудри и – левое ухо. Вместо правого уха чуть видна мочка и остаток хряща.

– Одно с другим у казаков не вяжется, – поддакнул седой казак. – Тут ты, Федя, прав, как сам Господь Бог. – Старик зажег конец длинного прута, прикурил, пыхнул несколько раз дымом, ароматным и теплым, прищурился, глядя на задумчивого караванного старшину. Рукавкин через время спросил, спокойна ли жизнь у яицких казаков с киргиз-кайсаками, не делают ли те набеги на казачьи земли?

– Э-э, теперь у них не служба, а райское житье, – усмехнулся старый казак. – Спят сладко, бесовы дети, аж слюни с полатей капаят. Не то что в наше времечко бывало, больше в седлах дремали...

Казак с отсеченным ухом, которого звали Федором Погорским, возразил старшему с некоторой обидой в голосе:

– Ну, дядя Авдей, так уж и слюни с полатей, – и к Рукавкину: – Живем мирно, как собака с палкой, пока одна в другую не вцепится.

Старый Авдей пояснил, что когда у соседей-киргизов случается трудная тебеневка¹¹ и скот не может из-за гололеда или обильного снега пробиться копытами к траве, начинается массовый падеж. Вот тогда кочевники подходят к Лику, валят молодой лес по берегам и в протоках, им кормят скот. Да и казацкие стога на луговой стороне по левому берегу нередко скармливают овцам. Ладно, если платят хоть за сено, но случается, что норовят задаром. Вот тогда и бывают драки до крови.

– Теперь, при новом хане Нурали, – добавил Авдей, – на границе стало много спокойнее. При Неплюеве форпосты по Лику построены, да и замирение между народами пришло, тому все рады. А десятки лет назад, при старом Абул-Хаир-хане, тысячами киргиз-кайсаки приходили в набег, случались жестокие кровопролития.

Некоторое время все сидели молча, слушали потрескивание сухих веток в огне костров да шелест камыша у берега. Изредка какой-то зверек плескался в воде перед тем, как завалиться спать.

– По Яику да по Утве нашими костями земля устлана, – вздохнул старый казак и неожиданно с большой грустью пропел:

Где кость лежит —
Там шихан¹² стоит;
Где кровь лилась —
Там вязель сплелась;
Где слеза пала —
Там озеро стало.

– Там... среди тех, и два моих сына лежат, – негромко, словно поперхнувшись дымом, сказал старый Авдей, еще больше сторбил плечи под потертым суконным кафтаном блекло-синего, давно выгоревшего цвета. – Один теперь как перст. Вот Федюша-племянник при мне только и остался до смерти присмотреть да похоронить по-людски... А родитель его, мой братеньник Демьян, где-то в колодках у хивинцев век домучивается. Может, встретите ненароком, – поклонитесь от нас, от всего Яицкого войска...

– У хивинцев? – поразился Данила. – Как же попал он к ним?

---

¹¹ Тебеневка – зимнее содержание скота на выпасе.

¹² Шихан – холм.

– Без малого полторы тысячи наших казаков по воле царя Петра ушли на Амударью с князем Черкасским. А воротились немногие, только хивинские единоверцы – татары да калмыки. Ходят среди нас, как тень прошлого, душу будоражат.

– Может, уже и в живых нет, – обронил молчаливый Родион.

– Жив Демьян, – неожиданно резко возразил Авдей. Данила с удивлением вскинул на него серые глаза – откуда такая уверенность? Тридцать шесть лет минуло, мудрено ли?

– Да-да, жив! – вновь повторил старый казак и добавил: – Григорий Кононов, как бежать ему из Хивы, был вместе с Демьяном. Сказывал по возвращении – белый весь брат стал, будто старый лунь. А уходил в поход, так смолянее чуба на всем Яике не было, черней вороньего крыла, девкам на радость, казакам на зависть. Жена Демьянова с горя быстро отошла в рай, а племяша Федюшу мне на руки едва не сосунком оставила. Вот и кукарекаем, как два петуха на одном подворье...

Петр Чучалов устал сидеть в однообразной позе, поднялся с седла размять ноги. Сказал Авдею:

– Того Григория Коконова при мне зять покойного Абул-Хаира Джан-Бек привез в Оренбург спустя неделю по принятии ханом Нурали верноподданнической присяги. Горькая судьба выпала на его долю. Хорошо еще, жив хоть к дому возвратился, вовсе не сгинул.

– Возвратился, да радости не много: дома-то у него и не оказалось здесь, – обронил Авдей. – Старики, которые знавали его, почти все вымерли, жена с другим сошлась по разрешению нашего попа, у нее чужие для Григория дети. Своих-то не успел прижить перед походом. Вот то и горе – бобылем мыкается по городу, будто старая кошка на пустом пепелище, никому не нужная. Как утро настанет, берет удочку, идет подальше от людей и сидит весь день, смотрит на реку. А то словно дитя малое, сорвет цвет клевера и нюхает. Иным в потеху чужое горе... Над старым волком и щенята смеются, это уж так, – вздохнул Авдей и закончил печальную историю своего сверстника: – Дубу оголенному под стать ныне Гришка. Облетели все листочки, ветрами хивинскими пообшарпало. Эхма-а, – и задумался, уставя тяжелый взгляд в неровное пламя костра, немного погодя скорбно добавил: – Одна головня и в поле гаснет...

Из-за Яика вновь неожиданно, как разбойник из-за угла, налетел ледяной ветер и понес хлопья седого пепла в притихшую, готовую к первым снегам степь.

Разошлись спать, а Данила еще долго прислушивался к тихому шелесту камыша над берегами Утвы. Казалось, будто не камыш, а души убитых казаков под густым покровом степного ковыля шепчутся, шепчутся и тоскуют о рано оборванной киргизской стрелой удалой казацкой жизни. Так и забылся беспокойным сном под этот беспокойный шелест сухого и темного камыша над темной водой реки с чарующим названием – Утва.

Рано поутру, едва караван снялся с места и перешел через реку вброд, как слева, на расстоянии версты, не более, из приречных зарослей Утвы выехали все те же два верховых киргиза, которые увязались за ними от Менowego двора: так стая волков упрямо преследует оленье стадо.

В караване произошло легкое замешательство. Все наперебой заговорили, строили всевозможные догадки о намерении непрошенных попутчиков.

– Неужто стерегут нас до нужного места? – заволновался Петр Чучалов, обращаясь к Рукавкину, словно караванный старшина был сведом о замыслах тайных доглядчиков. – Вот нехристи, казаков даже не опасаются. Не иначе вся шайка где-то поблизости сокрылась, – и помолился про себя: «Пронеси, Господь, не дай безвременно сгннуть от вражьей стрелы, когда до счастья так близко: обещано именем матушки-государыни».

– А ну, братцы, шугнем татей! – крикнул Федор и пустил коня вскачь. За ним с гиканьем и свистом последовали еще трое молодых казаков. Киргизы спокойно постояли некоторое время, а когда припавшие к конским гривам казаки приблизились на ружейный выстрел, ударили коней плетями – и только пыль завихрилась из-под копыт степных скакунов.

– Ах, шайтан! Вот шайтан! – с восхищением выкрикнул Аис Илькин, растягивая в улыбке толстые губы. – Какой хорош конь! Как вихрь умчал. Кому догнать можно, однако?

– За такого и сорока рублей не жалко, – с завистью проговорил старый Авдей, повидавший на своем долгом веку всяких рысаков. – От любой погони унесет, чертяка.

Вдали над сухим ковылем раскатисто прогремели ружейные выстрелы, да видно было, что палили казаки больше с досады в пыльный след умчавшихся к югу доглядчиков. Два старых казака посмеялись над молодыми, когда те, конфузливо оправдываясь, вновь пристали к каравану, все еще поглядывая в степь.

– Далеко не ускачут, – высказал догадку Иван Захаров. – К ночи, гляди, вновь объявятся. В том, стало быть, их военная задача – находиться в сторожевом дозоре супротив нас. Ночью бы для острастки пальнуть в степь несколько раз, чтоб остерегались.

– Пень топорища не боится, – отозвался серьезно Авдей Погорский. – Таких татей одной стрельбой не открестишь от добра, но киргизы как ускакали на юг, так и не появились больше и напомнили о себе лишь много дней спустя, когда купцы уже успели о них основательно забыть за новыми тревогами и переживаниями.

Через два дня караван достиг яйцкой старицы под странным названием – Требуха, против устья реки Бенбулатовки, которая впадала в Яик с правого берега. Только сделали привал и спустили коней попить, как на дороге из-за облетелой под осенними ветрами рощицы показалась большая толпа. Люди уныло брели под охраной конных драгун. Вид у арестантов был жалок: оборванные, с изможденными, давно не мытыми лицами, с орущими грудными детьми на руках у безмолвных матерей. Однако ни стенаний, ни мольбы из сомкнутых уст.

Начальник охраны этого наводившего ужас «крестного» хода что-то прокричал, обернувшись в седле, и драгуны заспешили торопить людей, чтобы быстрее миновать бивак некстати встретившегося купеческого каравана. Когда измученных, нищенски одетых мужиков, женщин и детишек прогоняли мимо, Рувакин не выдержал, подошел к пожилому офицеру, старшему в команде, и негромко спросил, удерживая повод его коня левой рукой:

– Что за люди? Куда путь держите в такую холодную пору?

Голос у Данилы дрогнул, наверно, поэтому офицер не осерчал за вольность купца держать чужого коня без дозволения. Он пристально посмотрел на Данилу уставшими глазами, остановил коня.

– По указу государыни императрицы изловлены, ваше степенство, – ответил офицер и приветствовал караванного старшину поднятием двух пальцев к захлестанной дождями треуголке. – Беглые и раскольники с Яика и Иргиза. Ведем в Оренбург. Там в губернской канцелярии кого куда сочтут: немощных отправят в монастыри, крепких еще приставят к работам, а годных заберут в солдаты. А вон тот, что с посохом впереди, это старец Ананий, их подвижник, набольший, по-нашему именуется расколуучителем. Он сгуртовал вокруг себя беглых да староверов на Иргизе и подбивал их бежать неведомо куда, в невесть какое царство Беловодье.

– Что же они так изморожены? Не кормлены? Ноги волочат по земле.

– Какое не кормлены! – со злостью в голосе почти выкрикнул офицер. – Вона их харчи и пожитки в возах. Ан умышленно не хотят есть и одеться тепло. На Иргизе так настоящий бой с войском государыни императрицы учинили, дрались, право, будто турки или татары крымские, урон учинили нам изрядный. А привели на Яик и соединили со здешними вероотступниками, такого лиха я с ними набрался! Через Яик переправлялись, так, поверите ли, ваше степенство, некоторые сами себя утопили. Молитву завели да и с паром в воду! Другие протестовали противу Сенатского указа о запрещении свободного селения раскольников в здешних местах тем, что уморили себя и детей голодом. На все мои уговоры хотя бы детишек сохранить вживу они твердят как умалишенные: «Бог дал – Бог взял!» И крестятся при этом двоеперстием.

Морщинистое лицо старого офицера исказилось гримасой, седые усы сумрачно свисли вдоль плотно сжатых губ. Видно было, что поручение ловить и сопровождать староверов исполнял он с великой неохотой. Добавил еще тише, чтоб не услышали проезжающие мимо драгуны:

– Из полутора сот и половины, видит бог, не приведу к месту, а вины моей в том нет, – и, прощаясь, вновь поднес два пальца к головному убору, слегка кивнул:

– Честь имею кланяться, ваше степенство.

Рукавкин невольно сделал несколько шагов назад, к возам, где сидели молчаливые и угрюмые Герасим и Пахом. А люди, одержимые верой своей, все брели, не поднимая от земли взора, не укрываясь от северного порывистого ветра. Мокрые истоптанные лапти легко пропускали холодную осеннюю жижу, изодранные рубища не грели заочевенных детишек, которые вцепились в материнские юбки и брели следом из последних сил.

– Люди, образумьтесь... – прошептал Данила, хотел было перекреститься, но не смог поднять руку.

– Боже праведный, – проговорил рядом старый Авдей. – Когда только люди перестанут страдать на этой земле?

– Когда? – проворчал в ответ Родион Михайлов. – О том поди да поспрошай всесильный Сенат... Минувшим летом гнали через Самару колодников, бывших приписных крестьян из-под Калуги, которые вознамерились было от Никиты Демидова отойти. Так пушками усмирили.

Промерзшая, монолитная в своей обреченности масса людей медленно скрылась за небольшой рощей у Яика, где река делала крутой изгиб, обходя островок в своем течении.

Молчаливым был скудный обед, и в скорбном каком-то молчании караванщики почти до вечера шли дальше своей дорогой.

* * *

К переправе через Яик против Яицкого городка, столицы казачьего войска, караван пришел спустя два дня после встречи с беглыми и раскольниками у старицы Требуха. На левом берегу реки – тьма людей, возов, много пеших с мелкой кладью или с охотничьей добычей. Рыжий детина на возу громко и, наверно, долго ругался с расторопным паромщиком: почему тот берет с него за перевоз пятнадцать копеек, а не десять, как прежде.

– Совесть ты, басурман, совсем потерял! – кричал хозяин воза и оглядывался на толпу, пытаясь привлечь людей на свою сторону. – Да за такие деньги я два пуда белой соли могу купить!

– Беги и покупай. А как купишь, волокни ее на себе по дну Яика, потому как за перевоз все едино деньги с тебя возьму... Будь ты и с солью! – насмешливо ответил паромщик и принялся рядиться с Данилой Рукавкиным за перевоз каравана.

Только к полудню караван вошел в Яицкий городок.

Данила был уже здесь не однажды, зато Родиону Михайлову и Луке Ширванову новый город в радость и новинку. Подивились крепостной стене вокруг казачьей столицы – между двух плетней насыпана земля, а чтобы плетень не повалился, его укрепили столбами. Наружный плетень, защищавший жилые постройки от вражеского огня, обмазан толстым слоем глины. Вдоль насыпной стены вырыт довольно-таки глубокий ров. В проемах видны пушки и около них стража из казаков с ружьями, длинными копьями и саблями. У некоторых, побогаче одетых, и пистолы торчат за широкими шелковыми кушаками.

Но внутренний вид казачьей столицы удивил самарян еще больше: на огромном черном пепелище поднимались украшенные богатыми наличниками новые рубленые избы и домишки пришлое бедноты, обмазанные глиной, с подслеповатыми окошечками, в которые и кошке влезть немало труда будет стоять.

– Бог ты мой! – поразился Родион Михайлов, озираясь беспрестанно по обе стороны улицы. – Слыхал я в Самаре, что погорел Яицкий город, но чтоб так подчистую – не мнилось даже!

Федор Погорский и старый Авдей пояснили, что пожар случился два года тому назад, в августе. Теперь по указу губернатора Неплюева велено строить улицы шириной в двенадцать сажень¹³. А прежде царил здесь такая теснота, что и двум возам не разъехаться толком, осями цеплялись, и ругани оттого случалось предостаточно. Да и пожарам вольготно было гулять с крыши на крышу, особенно доведись быть ветерку.

Каравану, с трудом продвигавшемуся по заваленным обгорелыми бревнами и скарбом улицам к войсковой избе, неожиданно встретилось весьма странное шествие.

Впереди возбужденной толпы, не вплотную, а шагов за десять, шли двое. Один – низкорослый, в бирюзовом шелковом бешмете с ярко-красными галунами по воротнику и по бортам – вел на веревке избитого в кровь казака лет тридцати, не более. На казаке был немислимо ветхий кафтан, продуваемый ветрами, как полусъеденная скотом крестьянская крыша по весне. Под кафтаном видна нательная, истрепанная от стирки сорочка. Широкие шаровары, на коленях заштопанные старательной женской рукой, заправлены в голенища разбитых сапог. Ведомый казак правой рукой защищал голову от ударов длинной увесистой палки и густым, униженным голосом то и дело просил встречных казаков, с трудом разжимая губы:

– Христиане, восчувствуйте! Братцы казаки, не дайте детишкам помереть с голоду!

Шествие поравнялось с самарянами и чуть приостановилось – богатый казак замешкался, выбирая, какой стороной обойти возы.

– Должно быть, вора изловили, – раздался за спиной Рукавкина равнодушный голос Петра Чучалова. – Теперь забьют до смерти, у них недавно был такой же случай, я слышал. Суровые здесь законы к лихоимцам...

Герасим при новом ударе палкой по казаку не выдержал, с дрожью в руках натянул вожжи, остановил коня. Не помня себя от гнева и жалости, соскочил на землю и закричал, шепелявя более обычного:

– Не смей бить, изверг! За что такое злодейство? – И тут же едва увернулся: длинная палка свистнула у него над головой, задела шапку и отбросила ее под копыта лошадей. Герасим отскочил, глазами зашарил, какой головешкой поувесистее запустить в нелюдя?

Его опередил Рукавкин. Он конем выехал чуть вперед, поднял руку, на которой висела длинная из сыромятных ремней плеть.

– Мир вам, добросердечные христиане, – с издевкой произнес караванный старшина. – Объясните нам, несведущим, за что страдает этот вольный сын вольного Яика?

Широкоскулый богатый казак тряхнул щеками-подушками, поправил азиатскую кривую саблю, поверх которой наложен желтый щегольский кушак с серебряными бляшками, дернул вверх бороду и с вызовом ответил:

– Не знаешь наших яицких обычаев, купец? Бит худородный казакишка Маркел Опоркин за долги, срок платежа которым истек вчерашним днем. Вот теперь собирает мирское подаяние, чтобы набрать потребное число денег. Таков обычай на Яике, – вновь повторил важный казак и попытался было поднять палку на ведомого. Но Рукавкин остановил его окриком:

– Вот как! Стало быть, Маркел не воровал у тебя? И велик ли долг казака, что ты так спешишь его возвратить?

– Когда покупал себе дом средней величины, то брал много, шесть десятков рублей. Половину долга возвратил, за десять рублей взят у него худой конь, а двадцать рублей теперь собирает Христа ради!

– Много ли собрали? – допытывался Данила.

---

¹³ Сажень – 2,1 м.

– Тебе-то что за печаль? – привык было казак на дотошного купца, но, помедлив малость, ответил: – Одну треть собрали.

– Что могут дать, сердечный человек, люди, когда у половины почти такое же лихо? – подал голос должник. – Восемь только рублей всего и собрали бедным миром. А кто побогаче – те за туманом живут от нас, нашего горя не видят. – Радуюсь случаю передохнуть от побоев, Маркел вытер лицо серым платком, который ему заботливо подала казачка, помочив платок в кувшине с холодной водой.

– Что же двор его не возьмешь назад за долги? – спросил Данила и с сожалением посмотрел на избитого кощей-казака: как-то бедняге в зиму без дома с детьми быть?

– Двор-то наш сгорел в пожаре, – всхлипнула казачка с кувшином и торопливо укрыла худое с желтизной лицо краем черного потертого платка с кистями. – Был алтын, да и тот ветром унесло за тын...

– Второй день вожу, а проку мне мало, – проворчал вновь бирюзовый бешмет и с вызовом повернулся вдруг к Даниле Рукавину: – Может, ты выкупишь, сердобольная душа? Кому не ведомо, что у купца мошна потяжелее казачьей! Купцу не спится – купец вора боится!

Рукавкин стиснул пальцами рукоять плети, по щекам прошла злая судорога. Больших сил стоило сдержаться от ответной грубости, но и уступать обнаглевшему казаку он уже не мог: отступить – значит выказать перед прочими казаками себя ему подобным. Данила без слов слез с коня, подошел к возу, на котором вновь уселся Герасим, развязал один из тюков и достал выделанную переливчатую шкуру черного волка. Подошел к казаку в бешмете.

– Возьми за этого человека. Да не считай впредь чужого достатка, чтоб своего не лишиться ненароком. А про таких, как ты, у нас говорят: убогий во многом нуждается, а скупой во всем. И еще тебе на память: скупые, что пчелы – мед собирают, да сами умирают. Бери шкуру! Этот диковинный зверь за Каменным Поясом, аж на Уйской линии крепостей взят капканом, пульей не порчен.

Глаза казака загорелись жадностью: черный волк – редкость. Он тут же бросил веревку на землю, принял шкуру на длинные не по росту руки и направился было прочь, к своему дому, решив не тягаться с купцом в словесной брани. Маркел Опоркин нежданно рассмеялся, обнажив острые редкие зубы, широко расставил длинные ноги и тут же заступил ему дорогу. Недавно униженный, человек вызывающе вырос перед богатым казаком.

– Три рубля с вас, почтеннейший Пантелей Селиверстович! Шкура-то не двенадцать рублей стоит, что были за мной.

– За шкуру я уплатил киргизскому купцу пятнадцать, – уточнил тут же Данила Рукавкин.

Богатый казак выдавил было крутые желваки на скулах, однако успокоился быстро, спорить на людях поостерегся, отсчитал серебро и ушел, свернув шкуру под левую руку. Настроение у него окончательно испортилось, и он зло сверкнул глазами, оглядываясь на толпу казаков и столпившихся вокруг Данилы караванщиков, проводивших его свистом и обидным смехом в спину.

Зато недавний должник Маркел Опоркин, так счастливо избежавший унижительных побоев, повеселел, расправил плечи. Он поспешно отвязал от руки веревку, не бросил ее, а ровненько смотал в связку, с улыбкой отдал жене.

– Держи, Авдотья. Это нам на починок для разжиться, – потом поклонился Рукавину до земли, пошутил при этом: – Теперь и я могу кричать на весь Яик: «Отвяжись, худая жизнь, привяжись, хорошая!» Спаси бог тебя, добрый человек, что не поскупился и не дал сгинуть в долговой яме, уберег от сиротства моих четырех малых ребят. Я знаю, что беднота выручила бы меня, но что делать, когда у каждого по одной копеечке, да и та невесть где свищет! Каждый Христов день всем скопом будем за тебя Бога молить, только скажи свое имя.

Данила, сам довольный своим поступком, засмеялся:

– Коли так, то молись, казаче, за купца-самарянина Данилу Рукавкина. Как знать, может, и сгодятся ваши молитвы, потому как идем мы караваном в Хивинскую землю, первыми торим путь для прочего российского купечества.

– Ого! – раздалось вокруг удивленное. – Тогда счастливого вам пути туда, а особенно обратно. Страшна та земля, Данила!

А Маркел все радовался:

– Я теперь снова вольный казак... хотя и без двора! За два рубля куплю саблю попроще, за рубль бурку потеплее и айда в киргизские степи на божий промысел за лихим скакуном! Либо коня добуду, либо казаком безлошадным буду... ежели Авдотья в степь не отпустит, – неожиданно закончил Маркел и всенародно обнял жену за плечи. И тут он увидел рядом с возами караванщиков Федора Погорского и его старого дядю Авдея, отстранил жену и поспешил к ним с протянутыми для приветствия руками.

Федор с коня улыбался давнему знакомцу.

– Погорский, Федя! – выкрикнул Маркел. – Неужто это ты привел на мое спасение доброго человека? Благодарствую, если это так! Идем в питейную обитель, кружку вина горького поставлю! – И под смех толпы, которая оживилась радостным для всех избавлением собрата от унижения, казаки направились в сторону реки Наган, где под берегом пристроился уютный кабак.

Вечерело. С киргизской степи тянуло влажным ветром, обещая в ночь или наутро моросистого дождя. Караванчики остановились на площади, огороженной перилами, а Данила Рукавкин с посланцем Петром Чучаловым отправились в просторную, крытую тесом войсковую канцелярию представиться атаману Бородину и старшинам да испросить места стоянки на несколько дней.

В канцелярии долго не задержались. Бородин был в отъезде в Бударинском форпосту. Два старшины развели самарян и казанских татар на постой, а Рукавкина и длинного Чучалова пригласил к себе Авдей Погорский быть гостями.

– Поберегись, сынок, в моей низенькой хатке, – с улыбкой обратился добросердечный старик к Чучалову. – Для твоего саженного роста потолок у меня низковат. Да и матица выгнулась, будто меня передразнивает, старая анафема; крючковатому носу, дескать, недолго жить.

– Лишь бы ноги было где вытянуть, – откликнулся Петр, с трудом переступая по грязной дороге: уже столько дней на коне, а тело все никак не привыкнет к седлу.

Ближе к ночи, перед тем как лечь спать, Данила вышел из прокопченной избушки Погорских во двор проверить коней, товары в старенькой клетушке да подышать свежим степным воздухом. Было тихо, мерцали над головой звезды, являясь глазам в просветах облаков, пискнули за карнизом дотошные воробьи, умачиваясь на покой в тесноте, спокойно жевали овес уставшие за долгий путь кони.

– Ништо, – с сожалением в голосе утешал их Данила и ласково потрепал ближнего жеребца за теплую гриву, – здесь я вас и оставлю, поклажу на верблюдов перенесем. Остаток жизни своей послужите вольному яйцкому казачеству, – и тут же вспомнилось дневное происшествие с Маркелом Опоркиным.

Дворов через пять, ближе к Чогану, залилась звонким лаем беспокойная собачонка. Конь сразу же насторожился, повел ушами, слушая ночную жизнь чужого города, потом успокоился и вновь опустил голову в мешок с овсом.

Данила посмотрел вверх, отыскал взглядом Полярную звезду к северу от Яицкого городка, вздохнул – как-то там сейчас в Самаре? Должно быть, уже первый снежок упал? А вот он с караваном через несколько дней отсюда пойдет на юг, от зимы к хивинским прокаленным пескам. Догонит ли их российский снег? Или для каравана смена осени на зиму выразится затяжными холодными дождями? Сказывают казанцы, будто в тех страшных песках снег и вовсе не ложится. Чудно как-то: без снега зима, без мороза...

Слева несколько раз вновь брехнула настырная собачонка, а вскоре из темного проулка показались два казака. Данила узнал Федора и Маркела. Обнявшись, они пели песню, начало которой невозможно было понять, потому как певцы, плохо выговаривая слова, то и дело мешали друг другу.

– Цыц, ты! – прикрикнул наконец Федор. – Не погань песню! – И запел сам, а Маркел только махал свободной рукой в такт нетвердому шагу.

– Яик ты наш, Яикушка,
Яик, сын Горынович!
Про тебя ли, про Яикушку,
Идет слава добрая,
Про тебя ли, про Горыныча,
Идет речь хорошая!

Плетень жалобно заскрипел, когда казаки, плюхнувшись на скамью у калитки, привалились к нему тяжелыми спинами.

– Ишь, тварь брехливая, должно, разбудили мы ее, – незлобиво ругнулся Федор на звонкоголосую собачонку.

– Пуцай брешет, – отозвался Маркел. – Пес – не старшина, его бреху бояться нечего. Вот когда батюшка-атаман безвинно облает худородного казака, то настоящая беда. Так было прошлой неделей с Герасимом Ведерниковым.

– А что с ним стряслось? Отчего нам неведомо?

– Пока вы в Илецкой крепости сидели, тут такое творилось в нашей вольной жизни! – почти выкрикнул Маркел, а Данила уловил горькую насмешку в голосе казака. – Оболгали старшины, будто утаил Герасим казенный провиант. Атаман нет чтобы добрый розыск учинить, повелел того Герасима привязать к кольям и бить бесчеловечно. И били безвинного, а через несколько дней от тех побоев Ведерников и умре.

– Господи, – ужаснулся Федор. – Что ж казаки-то молчали?

– А то и молчали, что языки дома за порогом оставили.

– И не прикрикнули всем кругом на атамана?

– Спорили мыши за лобное место, где будут кота хоронить! – ответил с горечью Маркел, с хрипом выдохнул: – Всяк со страху от теперешней нужды испуганные глаза себе за гашник уперил! Тут и о двух головах не пропасть бы, сам видишь, какова бедноте жизнь наступила на Яике! Ну, даст бог, переменятся денечки, вспомнит голытьба, что были когда-то времена истинной казацкой воли! – Пьяный Маркел неожиданно икнул, смачно сплюнул, добавил громко: – Не зря в народе и поныне кличут нас разинскими детьми! А ныне довели казаков до могильной ямы, и некуда нам оглядываться, когда смерть за плечами! Вот так-то, брат Федюша! Слышь-ка, намедни читал мне один умный мужик Библию, а там поучение одно записано: «У саранчи нет царя, но выступает вся она стройно». Во как! Неужто мы, человеки, глупее той саранчи, а? Ну что ты все оглядываешься?

– Тс-с, – настороженно прошептал Федор, обрывая опасный пьяный разговор Маркела. – Сказал бы и я словечко, да волк недалечко. Кто-то бредет проулком. Пошли, доведу тебя до твоего дворища и сдам под караул Авдотье. Должно, все глаза проглядела во тьму, тебя высматривая.

– Ты ступай к себе, я сам...

– Куда там – сам! – возразил Федор и взял Маркела под руку. – Еще завалишься в придорожную лужу да застудишься.

Казаки встали с лавки и, пошатываясь, побрели прочь, во тьму засыпающего города, стали невидимы скоро за чужими плетнями и остовами погоревших изб.

Рукавкин постоял некоторое время, вздохнул, осмысливая услышанный нечаянно чужой разговор, и осторожно, чтобы не разбудить похрапывающего Чучалова, вошел в тесную горенку.

По Яику Горынычу

В Яицком городке караван задержался на несколько дней. Отшумели Покрова¹⁴ с их свадьбами и зимними наймами работников. Схлынули первые осенние обложные дожди, совсем затихли рощи и перелески по берегам Яика и его притоков, а холодное ненастное небо опустилось так низко к земле, что, казалось, и птицы потому не летают, тесноты боятся.

Данила Рукавкин закупил верблюдов, перековал верховых коней, запасся перед дальней дорогой овсом и провиантом.

Ближе к вечеру восьмого октября, в день Трифона – Пелагеи, по улицам шумного Яицкого городка проехал один из есаулов с атаманским жезлом в руке. Он останавливался против каждого двора, отстроенного или лежащего еще наполовину в пепелище, зычно выкрикивал, даже если двор был и пуст:

– Послушайте, атаманы и все Донско-Яицкое воинство! Не пейте зелена вина, ни дарового, ни купленного! Заутра Кругу быть! Заутра Кругу быть войсковому!

Казаки, трезвые и уже подвыпившие, кланялись атаманскому жезлу, чертыхались, чесали с досады непролазные кудри под высокими бараньими шапками и нехотя расходились по домам.

Утром, едва работники успели задать корм и напоить скотину, как по улицам вновь проехал есаул, созывая вольных казаков на войсковой Круг.

Данила старательно расчесал русую бороду, усы, отошел от зеркальца, вмазанного в печь, поправил ярко-желтую рубаху, опоясался поверх нового синего кафтана, поглубже на уши надвинул серого каракуля мурмолку. Кажется, готов к выходу на Круг. Авдей стукнулся головой о полати, чертыхнулся незлобиво и проговорил:

– Старой бабе и на печи ухабы. Готовы ли, ваши степенства?

– Идем, брат Петр, – позвал Данила Чучалова. – Чем-то порадует нас Бородин? Днями хотел говорить с ним про охрану до ханского становища. Он же только зубы скалит в ответ. По свадьбам затаскали атамана, что повивальную бабку по родам!

– Даст охрану, – уверенно обронил Чучалов, пристегивая под плащ длинную шпагу. – По великой его нетрезвости с Покровов я ему еще не показывал письма от господина губернатора. Нынче покажу, непременно ласковым станет.

На просторной площади внутри ограды собрались все, кто имел право голоса. Пришлые и гости остались вне Круга. Здесь же пристроились посмотреть и послушать о делах казацких самаряне Родион Михайлов, Лука Ширванов и их помощники. Неподалеку встали казанские купцы, особо жались в сторонке беглые, не имеющие еще казачьего звания.

Прошло некоторое время, и сторожевые казаки у дверей войсковой канцелярии расступились. На крыльцо с резными столбиками вышел атаман – дюжий в плечах и в поясе казачина с густыми пшеничными усами. В правой руке – насека, а левой опирался на темляк богатой, в серебряных ножнах, сабли. Малиновый кафтан по крутому животу туго перетянут широким желтым кушаком, за который засунут дорогой пистоль с рукояткой из белой слоновой кости. Кафтан на груди не застегнут, из-под него виден лазоревый шелковый бешмет и голубая рубаха.

Вокруг атамана кучились пестро одетые старшины, а чуть в стороне степенно встал Рукавкин. Рядом с ним величался своим ростом и важным поручением Петр Чучалов, одетый в новый синий плащ, придерживая длинную тяжелую шпагу, которая так мешала свободно ходить.

Бородин поднял над головой резную с украшениями насеку. Войсковой Круг стих и снял шапки. И атаман снял свою, положил у ног, а на шапку бережно, чтобы ненароком не скатилась

---

¹⁴ 1 (13) октября.

на землю, примостил насеку. После этого степенно поклонился Кругу на все четыре стороны и зычным басом заговорил:

– Послушайте, братцы сотники, хорунжие, урядники, капралы и доблестные казаки! Волей государыни нашей императрицы Елисаветы Петровны отправляется в Хорезмскую землю караван, при котором купеческим старшиной идет самарянин Данила Рукавкин, а посланцем от господина губернатора Неплюева назначен Петр Чучалов.

Данила, с любопытством всматриваясь в лица казаков, всегда буйных, а теперь таких смиренных и послушных атаманскому слову, сделал шаг вперед и по примеру атамана Бородина отбил поклоны на все четыре стороны. Войско шумно приветствовало его. Чучалов ограничился снятием треуголки и легким кивком головы.

Атаман снова обратился к Кругу:

– Они идут в богом проклятую Хиву, где под российскими знаменами сложили удалые головы наши братья-казаки. Много воды утекло с тех пор из родимого Яика-Горыныча в седой Каспий, но жива в нашем сердце неотомщенная рана, кровоточит и по сей день!

Войсковой Круг откликнулся глухим ропотом, словно морская волна с упомянутого Каспия забурилась пенным гребнем и долго убегала назад, с каждой верстой теряя силу. Над головами казаков там и тут засверкали обнаженные сабли. Чей-то требовательный голос докатился до крыльца войсковой канцелярии:

– Давно пора воздать хивинцам за их злодейство!

Атаман поднял руку, и Круг постепенно затих.

– Другие времена пришли, братья! И говорить нам надо не о мщении, а о том, как вернуть на Яик тех, кто и по сию пору томится в басурманской неволе! – Бородин умолк, скорбно склонил голову на лазурь шелкового бешмета, будто и за тысячу верст ему видны измученные под чужим солнцем лица братьев по крови и оружию.

– Тяжкое лихо терпят наши собратья в Хорезмской земле, – продолжал говорить атаман с грустью и гневом на лице. – Знаем мы об этом по рассказам Григория Кононова. Вот он, лунь седой, среди нас стоит. Потому, братцы атаманы, порешили мы нонче поутру со старшинами испросить вашего согласия выделить из войсковой казны часть рублей, чтобы вы, кто может, внесли остаточные и выкупили из плена своих родственников, если к тому приведет счастливый случай в проклятой Хиве! Любо ли вам это, казаки-молодцы, или не любо? – зычно выкрикнул атаман и окинул взором огромную площадь.

– Любо!

– Лю-ю-бо-о, атаман! Одобряем!

А кто-то, перекрывая прочих, надрывался как вестовой колокол при нападении врага:

– Доброе дело! Божье дело! Люб-о!

Атаман красиво вскинул седую голову. Ветерок с Яика чуть приметно шевельнул густые волосы. Бородин неспешно поднял руку, прося войсковой Круг успокоиться, и казаки притихли: не все, выходит, сказал их батько атаман.

– И еще надумали мы, казаки-молодцы, послать с теми деньгами своих людей. Не потому, что нет доверия самарянину Рукавкину – его мы много лет знаем. Хоть и купец, а человек честный, торг ведет по совести. И здесь уже на ваших глазах добрым делом прославился, слышал я. Послать надо потому, что идти купцам предстоит дикой разбойной степью и нужна им верная защита. Хоть бы человек пять. От казны им будет особое жалованье за эту опасную службу. Кого пошлем, выкликайте достойных!

Стали выкликать имена самых отважных, но из Круга выступил первым крепыш Федор Погорский, поклонился казакам земно, потом уж атаману и старшинам. Сказал, как саблей лозу срубил:

– Я пойду до Хивы. Отец мой там жив еще.

Рядом с ним встал высокий сутулый казак с белой как снег головой. Это был Григорий Кононов, с которым Данила познакомился через Погорских. Сказал негромко, но в тишине услышали все:

– Я знаю, где надо искать наших людей. Да и речь хивинскую малость освоил, за толмача могу быть при случае. Пойду. За каждого пленного требуют выкуп в полтора ста рублей. Меньше басурмане не возьмут. Собирайте, люди добрые, у кого есть.

Атаман довольно резво сбежал с просторного крыльца, принародно обнял и облобызал седого казака.

– Доброе дело удумал, Григорий, – одобрил Бородин Кононова. – Иди с богом, святая душа. Ну, караванный старшина, – обратился атаман к Рукавину, – выбирай себе еще троих, кто по сердцу скажется. Тебе с ними горе мыкать в чужой земле, потому сам и решай. Вам не день дневать и не час часовать вместе. А мы за вами следа не запашем, поезжайте с богом да со святым Николой, заступником странствующих.

Данила отобрал из охотников еще трех казаков – доброго знакомого Маркела Опоркина и двух его братьев-холостяков – Ерофея и Тараса. Маркел поклонился караванному старшине, заверил:

– Послужим тебе, Данила, душой и телом, памятуя и твое доброе сердце. Только бы Авдотью с детишками пристроить в зиму...

Решили, что Авдотья может пожить это время у старого Авдея – и крыша над головой, и за стариком будет присмотр женский.

Атаман напоследок дал наказ казакам:

– Во всем будьте в послушании у Григория. Он за старшего среди вас пойдет, малым походным атаманом.

Казаки поклонились Бородину низким поклоном и разошлись по домам собираться в дорогу.

После Круга Данила оповестил караванщиков, что на утро наметил выход из Яицкого городка. И предупредил еще раз, чтобы проверили, надежно ли кованы кони: дорога предстояла дальняя, степью. Только вдоль реки Яик надо было пройти не менее четырех с половиной сот верст, да от Яика до реки Эмбы, где кочевал хан Нурали со своими кибитками, мало что меньше.

В тот вечер над Яицким городком стоял плотный, из-за полного безветрия, запах сушеного хлеба: казацкие женки по заказу отъезжающих купцов спешно готовили ржаные сухари, а в кузнице по-над крутым берегом реки Наган долго звенели молотками местные кузнецы, ковали запасные в дорогу подковы.

* * *

Ранним утром следующего дня караванщики покинули столицу яицких казаков и двинулись на юг, вдоль правого высокого берега реки. Нежаркие дни сменились прохладными росными и туманными ночами, и только степь была неизменной – огромной на многие сотни верст, будто соперничала с небесной гладью, спокойная, с редкими коршунами под серыми осенними тучами. Со дня на день можно было ждать и первых мокрых снегов.

С коня в степи далеко видать, и все же первое время Рукавкин с беспокойством поглядывал на непролазные заросли ветлы вдоль яицкого берега. Нередко заросли эти скрывались под исполинскими по размерам осокорями, а рядом ивы тянулись к небу – охотницы до вольной воды и света. В голых верхах осокорей густо чернели пустые грачиные гнезда, похожие на лохматые казацьи малахай, заброшенные ввысь в пьяном разгуле.

Заросли леса, при полном отсутствии на деревьях листвы, были так плотны, что порою на десятки верст не видно толком, а что же делается на киргиз-кайсацкой стороне, за Ликом? По

правую руку от караванщиков стелилась бескрайняя серого цвета степь: ни тебе холма взойти и осмотреться, ни суходола, чтобы хоть на время укрыться от беспощадного северного ветра.

День шли, наскоро обедали отварным говяжьим мясом и овощами, сделав короткую стоянку. К вечеру же неизменным выстрелом сторожевого казака на вышке их встречал очередной форпост. На сполошный выстрел сбегались казаки гарнизона, сердечно принимали гостей и затевали горячий ужин с непременно душистой ухой.

Ночная остановка, глубокий сон под надежной крышей и в тепле, а наутро – снова в путь, снова степь, ровная, в серой пожухлой и скудной траве, и только изредка, обгоняя караван, мчался на юг колючий серый куст перекати-поля, этого вечного степного непоседы.

Данила Рукавкин, как-то уморившись ехать в молчании, поравнялся с Григорием Кононовым и в очередной раз попытался разговорить старого казака о памятном для яицких казаков походе с князем Черкасским. Григорий поначалу угрюмо отмалчивался, глядя светло-голубыми глазами в серую нитку горизонта. Потом как-то нехотя заговорил, и гримаса боли душевной исказила худое морщинистое лицо казака.

– Кхм. Ежели даст Бог сил дойти до тех мест, старшина, тогда, может, и освежится моя память. А теперь от пережитого горя сердце у меня надорвано, иной раз вроде и не обидное слово услышишь, а оно полыхнет огнем, сожмется, так что и света невзвидишь от боли. Не раз помянешь стариковскую присказку: тридцать лет как видел коровий след, а молоком отгрыгается. Вот каково на душе у меня...

И, словно извиняясь, отводил грустные глаза от настойчивого караванного старшины, дергал за повод коня и продолжал ехать рядом, все так же молча всматриваясь в далекий горизонт.

Данила смирился и отстал со своими расспросами до иного, лучшего часа. Он поторопил коня и догнал Чучалова и Михайлова, которые вместе с прочими казаками и самарянами замыкали караван. Казанские купцы и Аис Илькин с ними малость поотстали, видно было, как Илькин, что-то рассказывая, весело машет свободной от повода правой рукой. А над степью стояло непрерывное позвякивание колокольчиков, свисавших с длинных верблюжьих шей до колен и вразнобой будто жаловавшихся на утомительную необходимость извещать, что ни одно животное не отбилося от каравана и не затерялось в унылой степи.

В Мергеневском форпосту, пройдя за неделю треть пути вдоль Яика, Рукавкин решил дать роздых верблюдам, перековать некоторых коней, а людям устроить долгожданную баню.

После бани караванщиков пригласили в просторную избу, где столовались казаки гарнизонной сотни. За маленькими слюдяными окошечками надоедливо моросил ночной осенний дождь, а в жарко натопленной избе столы ломились от обильной мясной пищи и водки, которую не поскупился выставить караванный старшина да и прочие купцы. Выпили за удачу каравана, за казачью сторожевую службу, запели песни...

Когда наполненный штоф обошел всех неоднократно, к Рукавкину, отодвинув локтем Федора Погорского, подсел Кононов. Светло-голубые, всегда грустные глаза молодо искрились, губы тронула легкая, словно детская улыбка. Григорий положил тяжелую руку на плечо Данилы.

– Вот видишь, караванный старшина, с пару-то и я согрешил, пригубил дьявольское, а приятное с холодов для питья зелье. И в голове у меня что-то жужжит...

– Это пройдет, – со смехом успокоил Данила старого казака. – Отвык ты, Григорий, в мусульманском плену от нашего зелья, вот оно и жужжит в голове, гоняет застоявшуюся кровь.

– Стало быть, не умру, коль кровь забегала, – весело поддакнул Кононов. Он поставил локти на голые доски стола, подпер обеими ладонями голову, скомкав длинными пальцами широкую седую бороду и длинные усы. – Спрашивал ты о хивинском нашем житье. Так слушай, куда охота у меня есть наговориться всласть... В иную пору могу сызнова засохнуть на

корню, как пустынный скрюченный саксаул-дерево. Только и будет от меня скрипу на ветру немного.

Данила тут же отставил в сторону недопитую чарку. Подумал было достать путевую книжку и туда что-нибудь для памяти записать, но поостерегся, как бы Кононов, смущаясь его писания, не умолк, прежде чем выговорится.

– Каким образом нас побрали хивинцы – о том особый сказ будет, а работать довелось мне и Демьяну Погорскому у знатного хивинского господина, который при ханском дворце справлял видную должность – «достарханчеем» он был, а на нашем языке это означает «скатертник». О-о, – вытянул губы Григорий, – у них это куда какая важная должность: готовит хану стол к еде и сам первым с приготовленной хану пищи снимает пробу: не отравлено ли. На наше горе никто не отравил этого сухопарого скорпиона, – усмехнулся Кононов. – Зовут того скатертника Елкайдаром. Думается мне, как добреем до Хивы, свидимся с тем Елкайдаром не единожды... Если только за эти годы в какой-нибудь междоусобице не потерял своей головы. Хивинские баи и беки страсть как любят стеречь друг друга с ножом за пазухой, – пояснил Григорий, убрал локти со стола, откинулся на спинку широкой лавки у стены.

Напротив них Лука Ширванов шурил плутоватые глаза и подливал в чарку посланцу Чучалову, а тот, важничая и надуваясь по молодости лет своих, подкручивал усики и злился на казаков, которые не величали его по оказанной от губернатора чести.

– Зря ли мне... дворянская шпага пожалована их высокопревосходительством? – с трудом выкрикивал Петр и делал безуспешную попытку вынуть клинок из длинных ножен. Лука смеялся, говорил, что конечно же не зря дана эта невиданная по красоте шпага, и тянулся к посланцу с чаркой.

– Так вот, – продолжил Кононов рассказ. – У того Елкайдара мы с Демьяном и были в кандалных работах, купил он нас по пленении у ханского сотника за изрядную казну: после набега персов на Хорезм, когда и многие хивинцы сами оказались в плену, спрос на работающих людей куда как велик у тамошних баев. Потому и стерегут там русских пленных куда как крепко, иной ревнивый муж блудную женку так не стережет. При любой работе ставят надсмотрщиков с плетью, а за работу крепко взыскивают. Видит бог, не вру: не один кнут расстрепали те надсмотрщики, пока выколачивали пыль из наших рваных халатов...

Кононов вспомнил о побоях, и вновь заныли до сих пор не сошедшие со спины рубцы.

– Один раз, помню, словно сегодня это было, крепко занедужил я животом, воды грязной из арыка напившись. Меня от боли в три погибели крючит, а доглядчик, страшась, что норму по выемке грязи из канала не сработаю, плетью сечет меня по спине, по лицу... Демьян было вступился, так его, за дерзость такую, в арыке том заставили работать еще и ночь, не дав и часа роздыха после дневной работы. Свалился я, иссеченный, без чувств, лишь тогда надсмотрщик глянул в лицо – а оно зеленью пошло. Сволокли меня за ноги, лекаря кликнули. За ночь самую малость очухался, а поутру вновь в арыке ил черпал, в бадье выволакивал на поле: силы нести в руках никакой не было... И порешили мы с Демьяном, что лучше смерть принять от ханских стражников, пытаясь бежать, нежели умереть в той грязной работе, скоту уподобленным. Доведется, думаю, и еще увидеть тамошних пленных в работах по прибытии в Хорезмскую землю.

– Отчего же такая лютость к россиянам? – удивился Данила. – Ведь умрет пленник, и никакой пользы тогда хозяину.

– Иноверцы мы, – пояснил Кононов. – К персам и татарам они куда как человечнее относятся, хотя тако же работать заставляют. Но тех кормят сносно. Нас же еще страшатся, что, бежав, приведем к ним русское войско с пушками. Но мы все же ждали счастливого часа. Первый раз представился нам случай бежать в сороковом году. Тогда к Хиве подступил с войском персидский хан Надир. Сробели хивинцы перед персами, уступили город. Многие бежали в киргизскую орду. Бежали и мы с Демьяном в общей той сутолоке. Выбрали ночь потемнее,

добыли на Елкайдаровом подворье веревку, привязали к палке, а палку поперек зубьев на стене положили. Спустились на вал, а с вала в ров... Как сейчас помню – впотьмах ногой на живот дохлой собаке наступил, так она, поверишь ли, Данила, подо мной будто живая охнула! Из рва выбрались, – продолжил рассказ Григорий, прогнав мимолетное неприятное воспоминание, – и кинулись было к берегам Амударьи, по солончаковым зарослям. Да если бы те заросли как у нас по-над Яиком! А то горе одно, ящерице и то плохое укрытие... Поймали нас и били нещадно. Однако били умело, чтоб не сломать костей, а рваное мясо снова срастется... Побив, кинули в темный зиндон – это так они свою тюрьму называют, – пояснил Григорий, когда увидел, что Данила, услышав незнакомое слово, вскинул русые брови. – Зиндон тот пристроен прямо к стене ханского дворца. Сказывали, что, когда узников пытаются, в ханских покоях крик слышен.

Григорий замолчал, с укоризной посмотрел, как Петр Чучалов пытается удержать голову, которая, отяжелев от хмельного питья, валилась на стол. Он вскидывал ее, пялил ничего не видящие глаза на соседей и на тусклые свечи и вновь падал головой на стол.

– От сиденья в зиндоне с деревянными колодками на ногах у меня и поныне черные рубцы на ногах, повыше ступней, – вздохнул Кононов. – Кто в силах поднять горькую слезу, капнувшую на землю? А пролито тех слез в неволе было ох как много. И не всегда выказывали мы с Демьяном рабскую покорность. В один раз Демьян, обессилев, упал лицом в грязный арык да едва не захлебнулся. Кинулся я к нему поднять и глоток воды чистой дать, а надсмотрщик мне плетью по шее, будто саблей, жиганул. В глазах потемнело от злости и обиды. Ухватил я горсть ила и вlepил тому нелюду в его усатую морду... Как секли меня, веревками связанного, и вспоминать страшно...

Данила ласково положил руку на вздрагивающие кисти старого казака, пытаясь хоть так облегчить страдания истерзанной души верного товарища. Григорий постепенно успокоился, улыбнулся Даниле смущенно, словно извиняясь за минутную слабость сердца, сказал:

– Когда перс Надир помер, хивинские старшины выбрали себе на ханство Каипа, что и поныне правит в тех землях. А мы с Демьяном, как малость от побоев оправились, снова, теперь уже в железных кандалах и с тяжкими ядрами на ногах, работали в Елкайдаровом саду. Только и послабления нам было, когда досматривать за нами тот скатертник ставил одного из своих холопов по имени Ахмед. Добрая душа у него оказалась, хоть и не христианин. С радостью принял бы его теперь за кровного брата, а вот не могу – разделяют нас границы государств, а более всего – вражда хана и старшин к России. – Григорий с сожалением вздохнул, добавил: – Как приедем в Хиву, непременно навещу Ахмеда и в ноги поклонюсь за выручку. Кабы не он, и мне бы родного края не видать... Когда Елкайдар уехал с ханом в город Туркестан по каким-то тяжбам, помог нам Ахмед расковать колодки, вывел темной ночью двух коней и пожелал доброго пути. Кинулись мы в полуночную сторону, и почудилось, будто свежий ветер с берегов прохладного Яика подул нам в лицо... Однако недолго ликовало сердце, под утро почуяли за спиной погоню, метнулись к берегам Амударьи.

Григорий под шумный застольный говор рассказал, как пали под казаками кони и как кинулись они вплавь через быструю хивинскую реку, но догнала Демьяна стрела, ударила в руку. Вытащили его из воды, стрелу выдернули. Не убили сразу на месте, значит, жив остался. А Кононов ушел в горы на правом берегу реки. Ушел и ютился несколько дней в глубокой пещере, рядом с костями каких-то животных. Страшился зоркого хивинского глаза, а еще больше страшился огромных дэвов, обитателей тех гор: о дэвах наслышался страшных рассказов от Ахмеда и сам в них уверовал, как в российских леших и чертей.

– Да решил так – лучше под пятой дэва быть раздавленным, нежели снова под пытку в сырой зиндон, в тяжелые бревна-кандалы. Колодки надеть – не бархатом себя по сердцу погладить... хуже, чем горячей головней прокатит...

Кононов вдруг прервал свой невеселый рассказ о чужбине и толкнул Федора Погорского в плечо:

– Будет вам, черти усатые, спаивать посланца. Аль не видите, что он и так уже языком не владеет.

Данила подозвал Маркела и распорядился увести Чучалова – пусть проспится.

– Ну а как же к дому прибился? – спросил Данила, когда под насмешки гарнизонных казаков Чучалова понесли на руках из горницы, а длинная шпага в ножнах покоилась на груди, будто у мертвого героя в минуту предания тела земле. Посланец пытался было вскинуть правую руку к лицу и убрать с глаз прилипшие от пота волосы, но рука на полпути останавливалась и безвольно вновь падала вниз.

– Много дней брел вдоль Арал-моря, попался к кочевым каракалпакам. Отпоили меня, а как окреп малость, и начали выпрашивать – откуда бежал? Соврал, будто с товарищами рыбачил на Каспии, а буря бросила нас на хивинский берег, вот и шатаюсь неведомо где. Показали старшины головами, не поверили, а один из них небольно ткнул палкой в мои ноги, где по гроб не разойдутся черные мозоли – след деревянных колодок. От тех кочевников меня и вывез Джан-Бек, зять покойного Абул-Хаира, и в сорок девятом году привез в Оренбург, к Неплюеву, в знак своего доброго к нам расположения.

Григорий умолк, в задумчивости покрутил пустую чарку перед глазами. Сказал, поставив чарку в сторону от себя:

– Приехал в Яицкий городок, а будто заново родился на белый свет – вокруг все другое, люди другие, нравы изменились: нет теперь суровости военного житья, как было прежде, и нет свободного доступа бедным на Яик, ловят помещики своих выявленных крестьян и по нашим куреням, словно сосед у соседа сбежавшую курицу. А казаки выдают беглых, не укрывают в малодоступных местах... прежде с Яика выдачи не было, без мзды и проволоочки принимали в свое войско. И почувствовал я тогда себя чужим, будто сломалось во мне что-то. А как поразмыслил, то, выходит, не я сломался, а казачество под царской да губернаторской рукой сломалось.

Данила покачал головой, соглашаясь с мыслями Кононова, потом негромко проговорил, словно устал от всего услышанного:

– Ну, благодарствую за беседу, Григорий. Пора и нам на покой, завтра дел будет предостаточно.

День прошел в хлопотах, а следующее утро встретили снова в пути. Хмурые северные тучи несли ветром на запад, выглянуло ласковое солнце, и серая, неуютная степь повеселела, заискрилась серебром обильной переливчатой росы на низкорослом ковыле, на седой полыни и колючих шарах перекати-поля.

Несколько дней выдались теплыми, прогрелась земля, подсохли откосы крутого правобережья Яика, веселее вызванивали колокольчиками верблюды, и люди, скинув дорожные плащи, красовались на конях в ярких разноцветных кафтанах.

За спиной у Рукавкина усатый Пахом мычал какую-то песню, а братья Ерофей и Тарас, обогнав караван на полверсты, неистово гонялись друг за другом, норовя зайти со спины и длинным копьём на скаку снять с головы высокие бараньи шапки. Старший Маркел, гордясь перед караванщиками ловкостью братьев, для важности ворчал:

– Ишь, бес их взъярил. Ну как вместо шапки да голову подденет ненароком. Ищи тогда ее в ковылях!

Миновали в теплые дни Калмыкову крепость, форпост Индерборский. Заметно поредели заросли вдоль Яика, все чаще и чаще ковыльные степи стали сменяться большими плешинами песка, поросшего жесткой полынью и невысокий верблюжьей колючкой. Привычная для россиян зелень встречалась лишь у самого берега реки да по низинам пологих балок, по которым в весеннюю пору со степных равнин сходит в Яик недолгая внешняя вода.

В тот день, когда миновали Индерборский форпост, Григорий, обычно малоразговорчивый, сам подъехал к Даниле и Родиону.

– Кхм, – неожиданно для самарян кашлянул у них за спиной Кононов. – Скоро будет на пути Маринкино городище, а ближе к вечеру войдем в Кулагину крепость.

– Неужто уцелело то городище? – удивился Данила, привстал в стременах, надеясь увидеть впереди на возвышении, где обычно у казаков ставились форпосты, остатки разрушенного поселения. Но до самого горизонта голая пустынная и глазу однообразная местность. Не на чем было остановить взор, кроме как на беспокойной осенней воде Яика. Правда, далеко на востоке, на киргиз-кайсацкой стороне, у берегов озера Индир, виднелись сизые дымки над кочевыми стойбищами.

– Марина Мнишек со своими людьми укрывалась не в казацком городке, а на Медвежем острове, посреди Яика, – пояснил Кононов и достал из приседельной сумы небольшую глиняную флягу с колодезной водой, зубами выдернул деревянную затычку и сделал несколько жадных булькающих глотков.

– Главным казачьим атаманом в ту пору, сказывали старики, был Баловень, а он водил дружбу с Иваном Заруцким, сердечным дружкой той красивой полячки. Ведомо вам, должно быть, что пришла та полячка к нам на Русь вместе с Тушинским вором, вишь ли, захотелось греховоднице поцарствовать на Москве!

– Слух вроде был, что сказнили их, – хмуро проговорил Чучалов, у которого третий день с похмелья раскалывалась голова. Данила предложил глоток водки, но Петр яростно отмахнулся.

– Медвежий остров показался! – закричал впереди каравана Маркел. – Во-он, смотрите! – Потом гикнул лихо и поскакал ближе к реке, на небольшую излучину, которая желтым обрывом выпирала над спокойной ныне гладью реки: день был тихий, солнечный, один из последних, быть может, на этом длинном пути вдоль Яика.

Обогнав медлительных верблюдов, Данила, Родион и Чучалов въехали на этот обрыв. Отсюда хорошо было видно, как вдали Яик раздваивался, обтекая когда-то лесистый, а теперь большей частью голый остров. На острове стояли стога сухого сена и – о диво! – поднимался к небу сизый дым от костра.

Когда подъехали ближе, разглядели, что у стогов сооружены шалаши и с десятков казаков Кулагинского гарнизона, заметив караван, приветливо махали снятыми шапками.

– От киргизцев стерегут сено, – пояснил Погорский присутствие казаков на этом острове.

– Так ведь смирные теперь киргиз-кайсаки, – удивился Родион.

– Смирные, – хмыкнул Федор. – Рыжих и во святых нет, у киргиз-кайсаков и тем более святости немного... перед чужим добром...

Григорий Кононов продолжил разговор о неудавшейся претендентке на звание русской царицы, о жене Лжедмитрия.

– Наши деды пересказывали старую быль, будто изменщик и сообщник самозванца атаман Заруцкий, в смутное время войны с поляками, имел подлое намерение взбунтовать против Москвы Астрахань да Яик и с казаками идти вверх по Волге. Надеялся поднять и казанских татар, чтобы потом предаться под власть турок. А когда был бит царскими воеводами под Астраханью, то бежал на Яик с Мариной, понуждал казаков присягать сыну самозванца и полячки как наследнику царевича Дмитрия. Эка, чего удумал, изменщик.

– Да ну? И что же казаки? Присягали? – подивился Данила.

– Всяко было, – неопределенно отозвался Григорий. – Когда на Яик пришли воеводы со стрельцами, Баловень спрятал Заруцкого и Марину с сыном на этом острове да харчами снабжал безбедно.

– Так что же, их здесь и сыскали? – спросил Чучалов, против воли морща лицо и потирая висок пальцами.

Данила внимательно осмотрел остров, словно хотел убедиться, а нет ли там каких следов от того далекого времени. Но, кроме стогов сена, шалашей с казаками да зарослей краснотала, на нижнем по течению конце острова не было ничего примечательного.

– Не рыба же человек, чтобы живым под водой укрыться. Сыскали, – ответил Кононов. – А в народе вот этот крутой обрыв именуется Маринкино городище. Здесь в те времена казачье поселение было. Ежели пошарить в бурьяне, то отыщутся рухнувшие колодцы и погреба. Изменщика Заруцкого и сына Маринки от Лжедмитрия предали позорной смерти – не следовало им покушаться на государеву власть. Атамана Баловня повесили в устрашение прочим атаманам, чтоб не рушили присягу царям...

До Сарайчикова форпоста караван шел еще двое суток, заночевав перед этим в форпосту Зеленый Колок. Вечером, перед тем как отойти ко сну, караванщики долго совещались с Кононовым, каким путем идти далее: на юг ли, на восток ли? Даниле хотелось побывать в Гурьевгородке, о котором был много наслышан, а видеть так и не выпало случая. Кононов настаивал на том, чтобы от Сарайчикова форпоста идти на киргиз-кайсацкую сторону и далее к берегам реки Эмбы, где их ждут в ставке Нурали-хана.

– Через Гурьев же, – доказывал Григорий Рукавкину, – путь удлинится вдвое, да и пески у моря гораздо страшнее. А здесь верблюдам и коням корм легче из-под ног добывать, если вдруг снег ляжет на землю со дня на день.

Данила согласился с Кононовым. Через Яик переправлялись ранним утром на пароме, и караванщики с нескрываемой тревогой ступили на левый берег реки. Отныне им предстояло идти через чужие земли. И что-то ждет их там?

Первое впечатление было каким-то двойственным: и страшно, а все будто бы так же, как и на том берегу, – ровная степь, скудная трава, а над головой высоко в небе плыли все же те осенние северные тучи, посланцы далекой родимой сторонки.

– Пошли! Пошли! – кричали погонщики, сгоняя неторопливых животных с зыбкого парома. Верблюды медленно, будто в великом раздумье, сходили на берег, горделиво поднимали головы на длинных изогнутых шеях и равнодушно, спесивыми глазами свысока смотрели на людей, которые сустились вокруг них.

Сняли с парома тюки, корзины и мешки с пропитанием, начали выючить. Верблюды, пока их, навьюченных, выстраивали в ряд за вожакон, нехотя переступали ногами, задевали коленями колокольчики, и медный звон витал над холодными водами Яика и сырым прибрежным песком. Казаки сели в седла, потянулись в голову каравана.

Мимо Данилы проехал Петр Чучалов. Ссутулив плечи, он недовольно поглядывал на небо и что-то бормотал под нос.

Родион не удержался и пошутил над посланцем:

– Ты, брат Петр, теперь похож на Фому-неудачника...

Чучалов придержал коня, молча уставился на Михайлова.

– Это тот самый Фома, который видел во сне кисель, да не было ложки; лег спать с ложкой – не видел киселя!

– Это оттого, что вид у тебя, как у мокрой курицы, – со смехом добавил Данила, садясь в седло своего жеребца.

– Не настигло бы ненастье. Ишь заморосило опять, – ответил Петр Чучалов и вновь с опаской посмотрел на север. – Мерзкая сырость стократ хуже порядочного дождя. – Он широкой ладонью разом утер свое маленькое мышинное личико, добавил, подражая церковному служителю: – Ишь разверзлись хляби небесные.

– Ништо, не растаем, – бодрясь, ответил Данила. Но и у самого от дум о предстоящем трудном пути глубокие морщины залегли у крепко сжатого рта.

«Один Господь ведает, какова нам судьба в тех горячих песках уготовлена», – вздохнул он, привстал в седле и крикнул погонщикам:

– Ну, братья, счастливо нам по чужой земле! – и направил коня в сторону, чтобы пропустить мимо весь караван. Хотелось самолично убедиться, все ли в порядке, надежно ли уложены тюки с товарами, зерно и харчишки. Все было укреплено надежно, прочно.

Укрывая лицо от влажной измороси, поминутно оглядывался: правый, гористый берег Яика с каждым шагом коня отдалялся, край Русской земли становился призрачным, плохо различимым за густым и влажным воздухом. А впереди была неоглядная киргиз-кайсацкая степь.

Данила в последний раз остановил коня, обернулся в сторону Яика. Его уже не разглядеть, лишь желтовато-серый высокий правый берег да нечеткие контуры строений Сарайчикова форпоста чуть просматривались за пеленой мороси.

– Русь великая, молись за нас. А мы тебя не забудем, – прошептал Данила и троекратно перекрестился. Потом ударил коня пятками и пустил его вслед за ушедшим вперед караваном.

В лицо пахнул тугой порыв встречного ветра с чужих необъятных степей.

Кара-Албасты устраивает засаду

Три дня караван шел на юго-восток. Ближе к вечеру Рукавкин и Кононов выискивали подходящее место для бивака, чтоб укрыться от холодного ветра. На третью ночь вышли к реке, шириной не более трех аршин. Остановились.

К Даниле подъехал Аис Илькин, разулыбался, продолговатые черные глаза весело поблескивали.

– Савсем верна идем, старшина. Не заблудил нас седой аксакал Конон, – смешно растягивая слова, произнес Аис. – Савсем сюда приходил другой раз и я с караваном. Это Белосолёный река.

– Воду пить можно? – спросил Иван Захаров. После обеда с подсоленными сухарями из ржаной муки его неотступно мучила жажда.

– Какой смелый, однако... – хихикнул Аис, дразня Захарова.

– А чего мне бояться? – не понял Иван. – Это кого медведь драл, тот и пня боится. Тебя спросил – воду пить можно?

– Пей, плевать будешь, однако, – снова засмеялся Илькин.

Иван принял его слова за очередную шутку, проворно слез с коня, прихрамывая, по песчаному невысокому откосу сбежал к воде, зачерпнул пригоршню, поднес к губам. И тут же разжал ладони, пролил воду на сапоги.

– Фу-у, гадость какая! Вода и вправду соленая!

– Ха-ха, – не утерпел Илькин и раскатился задорным смехом. – Теперь и тебя медведь, однако, драл...

Захаров погрозил ему увесистым кулаком.

– Ну, шайтан, погоди у меня, – незлобиво, сам рассмеявшись, пригрозил Иван и полез от воды на бугор. – Застрелю да и хоронить не велю! А то пуще божьего милосердия плетью отхожу.

Аис в долгу не остался, тут же ответил под смех казаков:

– Колотил старик жабу, а грозился на бабу, так, да?

– Что делать будем, старшина? – подал голос Муртаза Айтов. – В ночь надам бы коня поил хорошенько, а?

– До реки Эньбы, однако, два дня вода не встретим. Я знал на Белосолёный река хороший колодца. Искать будем, – рассуждал Илькин, осматривая приречные заросли вверх и вниз по течению, но в голосе его не было полной уверенности, что колодцы где-то поблизости. – Савсем будет плохо, если тот колодца злой шайтан от нас прятал!

Рядом в седле не менее внимательно оглядывал окрестные места Кононов. Что-то бормотал негромко, в раздумье скреб толстым ногтем подбородок, утопив палец в седой бороде.

– Старшина, – наконец-то выдавил он из себя глухие слова. – Кажется мне, будто и я давным-давно гулял в этих местах. Если не обознался по приметам, то колодец и вправду, как говорит Аис, должен быть неподалеку.

– Туда-сюда смотреть надам, – поддакнул Илькин. – Казак посылай колодцам смотреть.

По просьбе Рукавкина казаки разъехались в разные стороны, и довольно скоро в двух верстах к востоку от каравана грохнул выстрел. Данила Рукавкин вздрогнул, а Иван Захаров схватился за узду коня, торопливо влез в седло – вдруг придется бой принять от лихих киргиз-кайсацких налетчиков?

– Едут! Живые! – с явным облегчением выкрикнул Чучалов и снял руки с пистолей, которые готов был уже пустить в дело.

С восточной стороны берега подскакали Погорский и Ерофей. Федор улыбался, сияя карими озорными глазами.

– Магарыч с тебя, караванный старшина! – громко крикнул Погорский, чтобы и прочие караванщики порадовались. – Быть бы худу, да Бог не велел! Вот так-то, братцы. Где бы ни летал сокол, везде ему свежий мосол. Собирайтесь, да живо, не томите душу. Отыскали царское место для ночлега. Два отличных колодца. Видно, что кочевники надолго останавливались в этих местах, жили здесь.

– Почему ты так думаешь? – вновь забеспокоился Чучалов. Подумал с тоской: «Скорее бы добраться до ханской ставки живыми да невредимыми. Бог даст, хан приличное посольство снарядит и с большой охраной, чтобы ехать безбоязно...»

– Следы остались там, где юрты стояли, – пояснил между тем Погорский. – Да и копытами степь вокруг напрочь избита. Надо полагать, совсем недавно орда откочевала ближе к теплым местам.

Ранние ноябрьские сумерки начали сгущаться под восточной частью небосклона: приближалось время самых темных ночей над черной землей, не укрытой снегом. Караван, не мешкая, переправился через илистую Белосоленую речушку и вскоре остановился в укромной ложбине, окруженной голыми невысокими холмами. Вдоль реки по берегам густо рос тальник, а над ним возвышались голыми стволами редкие в здешних местах ивы.

– Смотри-ка, не ошибся приметами, – радовался Кононов, снимая с коня седло. – Именно здесь мы однажды подстерегли киргизских барымтников. Они угнали от форпоста наших коней и пустились плутать по степи, погоню со следа сбивали. Да не подумали, что могут быть ведомы и нам их тайные пристанища на Белосоленой реке. То-то перепугались, когда мы из-за кустов с огненным боем на них грянули!

Костер из нарезанных тальниковых веток разгорался неохотно. Герасим и Пахом уже несколько раз бегали за ложбину, к невытоптаным местам, и около зарослей рвали высокую пожухлую траву, чтобы подбросить ее в слабый огонь. Потом сидели возле лениво горящих веток, пили кипяток с сахаром, жевали ржаные сухари и строили догадки, скоро ли удастся отыскать ханскую ставку и все ли готово у киргиз-кайсаков для выхода в Хиву?

Последним к костру самарян подсел Кононов. Робкие сполохи огня высветили из тьмы его высокую фигуру, туго перетянутую кушаком, за которым торчали два пистоля. Данила понял: тревожится старый казак. Да и прочие не выпускают оружия из рук, при себе держат, не то что прежде было, когда шли вдоль Яика: могли положить и на тюки или оставить около верблюдов.

Из-за речки слышалось надрывное голодное завывание шакалов, которые в последние дни неотступно преследовали караван.

– Опять! – в сердцах вскрикнул Петр Чучалов. – Надо же этим тварям так гадко вить!

В светлое время их юркие стайки держались на приличном расстоянии, изредка мелькали в пожухлом разнотравии, перебегая из одного неглубокого суходола в другой. Зато в ночь подходили совсем близко, в надежде чем-нибудь поживиться.

Но караванщики зорко смотрели за конями, укрывали их внутри ночного бивака, а когда нахальное зверье забывало всякую осторожность, тишину ночи разрывал резкий выстрел, стремительно исчезали десятки зеленых мигающих огоньков. На некоторое время напуганные кони успокаивались, а потом вновь тревожно водили ушами, чуя близко хищников.

– А к утру погода прояснится, – неожиданно подумал вслух Григорий. И действительно, только теперь караванщики обратили внимание, что сырой северный ветер переменился на южный, потеплел, стал гораздо суше и приятнее для лица.

Данила поднялся, сказал Кононову:

– Пойду проверю караулы. Очень не нравится мне это обжитое место, не спать бы лихой беды, иначе откинем лапти врозь.

Страшна ночь в чужой земле.

Григорий согласился, что место и в самом деле ненадежное, и добавил, что после полуночи будет обходить дозорцев сам, оберегая их от соблазнительного утреннего сна.

Когда Данила уходил в приречные заросли, слышал, как старый казак, сидя у огня, негромко, в раздумий, затянул песню о родном Яике:

Золочено у Яикушки
Его бело донышко,
Серебряны у Яикушки
Его белые краешки,
Жемчужны у Горыныча
Его круты бережки...

Данила проверил два раза казачьи посты и близко к полуночи прилег вздремнуть на тюках, подняв для бодрствования Кононова. Что-то тихо со сна проговорил Петр Чучалов, натягивая на голову теплый полушубок. Григорий полупшепотом сказал в ответ:

– Не пугайся. Часом и мы не овцы. Собака вылизывает только открытый котел. Как говорят у нас: Бог не без милости, казак не без счастья. Спи спокойно, – и, неслышно ступая, ушел во тьму ночи, будто растворился в ней.

Со степи все заметнее, порывами, потянул теплый ветерок, согретый песками далеких, прокаленных с лета пустынь.

Под ласковый шелест этого ветра в голой кроне соседней старой ивы Данила задремал.

Проснулся от осторожного прикосновения чьей-то руки. Вскинулся с таким чувством, будто и не засыпал вовсе.

– Что такое? А? – Данила не сразу понял, чья это темная фигура склонилась над ним, закрывая темное небо.

– Проснись, старшина. Рассвет близок, – проговорил Кононов негромко, чтобы не разбудить рядом спавших работников. Родион уже сидел на тюке и усиленно протирал глаза, зато Иван Захаров бодро размахивал руками, чтобы прогнать остаток сна в теле: ему бивачная жизнь не в диковинку, долголетняя служба приучила быть на ногах ночь за полночь.

Узнав Кононова, Данила тут же успокоился, надел свалившуюся во сне мурмолку, передернул плечами. Невольно вырвалось:

– Бр-рр! Свежо как, – проверил за поясом пистоль, взял свое ружье. – Готов я, идем, Григорий.

Ивана Захарова и Родиона Михайлова Кононов направил к казакам вниз по течению, с собою взял Рукавкина. Молча разошлись.

Поверх реки густо, почти не отрываясь от воды, клубился туман: еле уловимое ночное дыхание южного ветра к утру и вовсе прекратилось. Над землей стояла удивительная первозданная тишина, и только неполная луна на небе, выглядывая из-за туч, напоминала, что мир жив, даже ночью.

Кононов повел Рукавкина вдоль кромки речного обрыва, песчаного и невысокого, сажени в две, не более. Та настороженность, с какой шел бывалый казак, невольно передалась и Даниле. Он шагал следом, стараясь не шуметь, мягко ставил ногу на землю, убедившись, что там нет ничего хрупкого. В абсолютном спокойствии, когда даже голодные шакалы – эти ночные мародеры степи – утомонились в своих временных убежищах, слышны были малейшие потрескивания веток под сапогами.

– Кто? – вдруг негромко раздалось чуть сбоку в густых темных кустах.

– Свои, Ерофей, – отозвался Кононов. – Тихо ли?

Из зарослей высунулся бородатый Ерофей, осмотрелся и полупшепотом ответил, не переставая прислушиваться к тишине:

– Пока тихо, а нутро волнуется, беспокойно на душе. Место и природа уж больно пакостные: река, заросли и туман этот так некстати по кустам, ни зги не видно. Только ушами водим, как табунные жеребцы в ночном выпасе, – добавил Ерофей с улыбкой.

– Федор где?

– Правее, ближе к краю зарослей переполз. Он за степью доглядывает, чтобы оттуда не подкрались нехристи.

– Мы побудем с часок-другой, пока совсем не забрезжит рассвет, – к немалой радости Ерофея прошептал Кононов.

Прошли в глубь приречных зарослей и залегли неподалеку друг от друга, чтобы перекрыть все опасное пространство от степи, за которым присматривал Погорский, до речного обрыва. А по другую сторону бивака в таком же дозоре теперь лежали Маркел с Тарасом и Родион с Иваном Захаровым им в помощь: Кононов по опыту знал, что нет более опасного часа, чем предутренний, сотканный из сладкого сна, обволакивающей тишины и тумана, царствующего над землей перед восходом солнца.

«Вот тако же, под рассвет, и побрали нас хивинцы, сонными... А ежели бы поставили добрую да недреманную стражу, так, глядишь, и отбились бы от злоехидного ханского войска», – подумал Григорий, вспомнив давно бывшее в хивинских песках.

Плеснулась под левым боком река, напуганная скатившимся с обрыва комочком земли – и опять тишина, полумрак, рождавшие желание положить голову на руки, закрыть глаза и досмотреть видение родного двора, прерванное Кононовым.

Кононов вдруг приподнялся на левое колено и, настороженный, сделал знак Ерофею и Даниле не шевелиться. Да, чуткое ухо не подвело старого казака: где-то впереди, за кустами и туманом, послышалось заглушенное пространством конское ржание. И опять все тихо, долго было тихо, пока не треснула под осторожной ногой предательская сухая ветка, прикрытая травой.

В ту же секунду Ерофей вскочил с земли, вскинул ружье и с колена выстрелил на звук затаенных шагов. В ответ донесся чей-то отчаянный крик.

– Разбойники! – Кононов вслед за Ерофеем разрядил ружье в сторону, откуда теперь вовсю слышны были крики на чужом языке, треск ломаемых кустов под тяжелыми торопливыми шагами.

А со стороны степи, нарастая с каждой секундой, неся конский топот, тут же грохнул ружейный выстрел.

– Федор это! – вскрикнул Кононов. – Бежим к нему! Укроемся со всеми в лагере!

Ломая ветки и беспрестанно оглядываясь, казаки и Рукавкин выбежали на край зарослей: с холма, что к югу от реки, неистово разогнав коней, выставив впереди себя копья и пуская стрелы, в сторону купеческого бивака неслись десятка два верховых, на темных конях, по темному, чуть холмистому полю, и только обнаженные сабли у некоторых всадников вспыхивали под суровым лунным светом.

– Пали! – выкрикнул Кононов: до атакующих было уже шагов сто, а может, и того меньше.

Данила выстрелил почти не целясь в эту орущую, неистовую толпу. Выстрелы с опушки слились с выстрелами со стороны бивака, и Кононов по их густоте понял, что Маркел с братом Тарасом и Родион с Иваном Захаровым успели прибежать в лагерь и теперь открыли дружную пальбу из ружей и пистолей.

– Не взяли сонными! – ликовал Григорий, торопливо перезаряжая ружье.

Несколько передних степных всадников на всем скаку рухнули на землю.

– К своим! Не отставать от меня! – снова подал голос Кононов и первым побежал вдоль приречных зарослей. Бежал в открытую, не опасаясь киргизских стрел: продираться сквозь кусты времени уже не было. Вот-вот разбойники могли ворваться в лагерь, где при слабом свете

притухших к утру костров метались и рвались из рук погонщиков обезумевшие от стрельбы и страха кони и верблюды.

Вдруг казаки, не стреляя, отпрянули вправо, ближе к зарослям.

Рукавкин не понял причины такого маневра и не успел последовать за ними. Тут же вскринул испуганно, когда увидел, что на него с неистовыми визгами мчатся три киргиза. Даниле некогда было размышлять, почему скачут они не в сторону бивака, а прочь от него. Успел только вскинуть не разряженный еще пистоль и в упор выстрелить. Ближний всадник выронил склоненное для удара копьё, взмахнул перед собой руками и в каких-то пяти шагах повалился на землю. Двое опрометью проскакали мимо и скрылись в зарослях.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.